

Клаудио Мутти

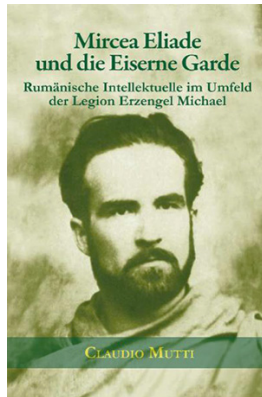
МИРЧА ЭЛИАДЕ И ЖЕЛЕЗНАЯ ГВАРДИЯ

Румынские интеллектуалы в окружении Легиона Михаила Архангела

Второе издание Издательство Регин-Ферлаг, Киль, 2012 г.

(Первое издание: Регин-Ферлаг, Претц, 2009 г.)

Сокращенный перевод с немецкого.

Перевод на немецкий язык с итальянского языка и французского языка Лучано Кабрини, Сайруса Макари и Мартина А. Шварца. Италоязычное первое издание, которое образует первую часть данного произведения, вышло под заголовком *Mircea Eliade e la Guardia di Ferro* (Parma: Edizioni all'insegna del Veltro, 1989); вторая часть основывается на монографии *Le penne dell'Arcangelo: Intellettuali e Guardia di Ferro* (Mailand: Società Editrice Barbarossa, 1994). Кроме того, здесь приведены и последующие статьи автора (см. Редакторскую заметку в конце книги).

«Это было настолько румынским делом ...

Не существует более глубокого выражения румынской души!»

Так восторженно уже в 1997 году высказался философ Василе Ловинеску о Легионе Архангела Михаила, политически-духовной организации, которую в 1927 году основал Корнелиу Зеля Кодряну, и которая еще спустя много десятилетий после ее кровавого уничтожения оценивается историками как «самое радикальное фашистское движение, которое когда-либо существовало».

В 1920-е и 1930-е годы в окружении Легиона и его политико-военизированной организации, Железной Гвардии, действовали румынские интеллектуалы, которые либо уже были известны к тому времени, либо достигли международной славы позже, уже эмигрировав на Запад.

Это исследование профессора Клаудио Мутти описывает путь пяти важных представителей «Молодого поколения» Румынии в «Железной Гвардии».

Специалист по Румынии итальянец Клаудио Мутти (род. в 1946) считается одним из лучших знатоков «Железной Гвардии» вообще и роли Мирчи Элиаде в ней в особенности. С большим знанием дела он извлекает на поверхность многочисленные автобиографические детали, более или менее скрытые в беллетристическом творчестве Элиаде, которые показывают, какое место занимал этот всемирно известный писатель и ученый-религиовед в Легионе Михаила Архангела. Автор приходит к удивительным результатам.

В книге представлены пять выдающихся умов Румынии в их деятельности в Легионе или в среде сочувствующих Легиону. Мутти прослеживает пути развития философа профессора Нае Ионеску, ставшего впоследствии знаменитым эссеиста Эмиля М. Чорана, философа и писателя Константина Нойки, а также Василе Ловинеску, румынского представителя традиционализма в духе Эволы и Генона.

Представленные в книге личности совершенно по-разному обращались со своей «связью с фашизмом». Одни отмалчивались о своем прошлом, другие попросту отрицали какие-либо связи подобного рода, а третьи безоговорочно и открыто сохранили верность своим прежним убеждениям.

Если рассматривать далее и другие выдающиеся умы Румынии 1920-1930-х годов, то возникает вопрос, не представляют ли они на основе своего воздействия и своих идей некую «Консервативную Революцию», которую можно сравнить с тем плодотворным «мозговым центром», который Армин Мёлер констатировал для Германии времен Веймарской Республики.

Впервые представленное здесь на немецком языке фундаментальное и опирающееся на многочисленные источники исследование о Железной Гвардии и оказавших на него большое влияния интеллектуалах из румынского окружения Легиона состоит из двух самостоятельных монографий: «Мирча Элиаде и Железная Гвардия» и «Перья Архангела» – а также двух следующих текстов Клаудио Мутти, которые привлекли внимание международных исследователей. Кроме того, данное исследование открывает доступ к беллетристическим произведениям Элиаде, которые часто являются «романами-ключами» и иногда скрывают за своими героями реальных людей. Это произведение предназначено для религиоведов, литературоведов и историков, а также будет интересным для изучающих романские языки – особенно румынский язык, и для людей, которые интересуются историей науки, теорией фашизма, историей идей двадцатого столетия, а также всеобщей историей.

Об авторе: Клаудио Мутти (родился в Парме в 1946 году) – итальянский журналист, ученый, эссеист и издатель, директор геополитического исследовательского журнала «Евразия». Филолог по образованию, изучал угро-финские языки.

В молодости примкнул к националистическо-европеистскому движению «Молодая Европа» [Жана Тириара](#), к которому примкнул также Франко Кардини.

В 1973 году стал президентом ассоциации Италия-Ливия, основанной десятком бывших членов MSI и объявленной впоследствии преступной. В те годы Мутти писал статьи, воспевающие ливийский социализм. В 1979 он стал автором другой инициативы: «Ассоциация Европа-Ислам» с местонахождением в Венеции.

Он много лет изучал филологию финно-угорских языков, работая ассистентом при Болонском университете, и стал автором около тридцати статей и исследований о венгерском фольклоре и о венгерской литературе.

Знаток румынского языка и культуры, в 1979 году Мутти стал главой кафедры в Итальянском Институте Культуры в Бухаресте, это назначение затем было отменено вследствие парламентского запроса депутата Антонело Тромбадори. Он перевел и опубликовал многочисленные документы о Железной Гвардии и Корнелиу Зеле Кодряну. Заинтересовавшись мусульманскими проблемами, он в середине 1980-х годов руководил, под псевдонимом Омар Амин, журналом «Аль Джихад», который печатался в Италии и поддерживался иранским посольством в Риме. Он перевел многочисленные тексты об Исламе и активно критиковал Израиль, который, по его определению, был «сионистским образованием».

Он основал издательство «Эдициони аль Инсенья дель Вельтро», в которой он издавал исследования традиционного символизма, комментированные переводах греческих философов, исследования средневековой и современной истории. Среди изданных книг преобладали тексты правых мыслителей, таких как Юлиус Эвола, Корнелиу Кодряну, Йохан фон Леерс и Савитри Деви, произведения ревизионистского историка Робера Фориссона, и даже несколько книг авторов марксистского направления, пусть даже и придерживавшихся особого идеологического пути, таких, например, как Костанцо Преве и Геннадий Зюганов.

В 2004 году Клаудио Мутти стал работать в редакции геополитического журнала «Евразия», директором которого он стал в декабре 2011.

Он интересуется вопросами эзотеризма, символизма и религий, эстетикой нацизма и ее влиянием на культуру. Он посвятил различные эссе таким фило-

софам и мыслителям как Мирча Элиаде, Эмиль Чоран, Фридрих Ницше, Рене Генон и Юлиус Эвола. Клаудио Мутти также автор предисловия к трудам немецкого социолога Вернера Зомбарта.

От переводчика: Книга приведена в сокращенном переводе. Исключены ссылки на источники, использованные автором. Авторские примечания приведены не в виде сносок, а в самом тексте, в скобках сразу после абзаца, к которому они относятся. Примечания переводчика приведены в скобках и отмечены как «прим. перев.».

Ввиду того, что исходный текст был на немецком языке, при его сканировании некоторые специфические (отличающиеся от привычной латиницы) румынские буквы могли отобразиться неправильно, поэтому в приведенных здесь в румынском оригинале названиях книг, статей, и изданий могут быть ошибки.

Переводчик благодарит Руслана Куконеску (Киев) за помощь с прочтением румынских имен и географических названий, а также за консультации по вопросам румынских и молдавских реалий.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I: Мирча Элиаде и Железная Гвардия

Введение

ГЛАВА 1.1

В концентрационном лагере

ГЛАВА 1.2

«Последняя возможность Румынии»

ГЛАВА 1.3

Элиаде – «антисемит»?

ГЛАВА 1.4

Теоретик легионерского движения

ГЛАВА 1.5

Неопубликованная трагедия

ГЛАВА 1.6

Роман-завещание

Экскурс

«Ифигения» – трагедия Мирчи Элиаде

II: Перья Архангела – четыре легионерских мыслителя

ГЛАВА 2.1

Мирча Элиаде и «Духовная революция»

ГЛАВА 2.2

Нае Ионеску – Сократ у легионеров

ГЛАВА 2.3

Эмиль Мишель Чоран – попутчик при путешествии в мир грез

ГЛАВА 2.4

Константин Нойка – неизвестная сила

III: Василе Ловинеску (Абд эль-Кадыр Иса)

ГЛАВА 3

Василе Ловинеску и Гиперборейская Дакия

Приложения

Приложение 1.

Посмертный успех «Гетикуса»

Приложение 2.

Фотографии представленных румынских интеллектуалов

Редакторская заметка

I: Мирча Элиаде и Железная Гвардия

Введение

В своей работе «Postilla tardiva a Renzo De Felice» Франко Кардини писал: «Мы считаем, что Железная Гвардия была больше религиозно-военным движением, нежели политическим, и что поэтому ее следует исследовать скорее с социологической, а также антропологически-этнологической, а не с идеологически-политической точки зрения [...] Железная Гвардия была так тесно переплетена с румынской традицией, что та историография, которая пыталась ее понять, должна была при этих попытках одновременно прибегать к результатам фольклорного, религиозного и других исследований».

Юджин Вебер два десятилетия назад определил место легионерского движения ближе к «cargo cults» (карго-культам), чем к фашизму и поэтому сравнивал друг с другом две личности: Корнелиу З. Кодряну и Симона Кимбангу – «мессии» Настоящего (Бельгийского) Конго (Баконго), в мученичестве которого его приверженцы видели повторение страстей Христовых. Это сравнение Вебера, каким бы странным и неподходящим оно ни казалось, говорит о том же требовании, которое высказывал также Кардини; о требовании, которое также было исполнено некоторыми из тех историографов, которые, исходя из полностью противоположной мотивации, и под совсем другими знаками занимались легионерским движением.

Так, например, Фауст Брэдеску в 1987 году опубликовал книгу о «Капитане», один заголовок которой, «Corneliu Zelea Codreanu – Erou neo-cosmogon», объявляет о том, что Брэдеску рассматривает эту тематику с точки зрения типичной религиозно-исторической перспективы. Нам и самим при попытках применить тот приоритет исследований, которого требовал Кардини, приходилось в нескольких местах ссылаться на творчество Мирчи Элиаде; и не столько потому, что Элиаде во всем мире рассматривается в качестве корифея в сфере истории религий, а скорее потому, что здесь яснее обнаруживается его тесная связь с Железной Гвардией.

И как раз эту тесную связь мы и постараемся особо подчеркнуть, чтобы раскрыть ту историческую правду, на которую с разных сторон хотели бы опустить завесу молчания или которую некоторые вообще стремятся отрицать.

Клаудио Мутти

ГЛАВА 1.1.

В концентрационном лагере

Хронологические таблицы и биографические очерки в книгах известного историка религий так же, как и в посвященной его творчеству исследовательской литературе, воздерживаются от какой-либо информации о том, какие отношения существовали между молодым Мирчей Элиаде и Железной Гвардией. Молчат на эту тему и послевоенные работы Элиаде, которые были опубликованы при жизни автора и непосредственно связаны с его биографией, как, например, «Fragments d'un journal» («Фрагменты дневника») или «Проверка лабиринта».

Но и внутри самого творчества Элиаде находятся автобиографические реминисценции, которые часто с умелой скрытностью вплетены им в сюжеты романов, но, тем не менее, они дают очень ясные указания на реальные события в жизни Элиаде.

В этой связи нам в дальнейшем придется особенно часто ссылаться на беллетристические произведения Элиаде, в первую очередь на роман «Запретный лес», который является полностью автобиографическим, однако, период, рассматриваемый в нем, относится только к годам с 1936 по 1948.

Штефан Визиру, главный герой этого рассказа, был арестован в 1938 году, во время фазы подавления Гвардии, за то, что у него в гостях был легионер, после чего он был посажен в концентрационный лагерь Меркуря-Чук. У Визиру вовсе нет какой-то особенной симпатии к Железной гвардии. Когда его заталкивают в военный грузовик, который должен отвезти его в концентрационный лагерь, один легионер, которого везут в тот же лагерь, шепчет ему на ухо: – Да здравствует Легион и Капитан! Штефан Визиру только вежливо говорит: – Добрый вечер!, и отворачивается от него.

Их привезли в концлагерь. «Я – не легионер, – корректно и почти хладнокровно торопится заверить Штефан. – Речь идет о путанице. Меня привезли сюда по ошибке, просто перепутали. В политическом плане я даже противник ваших идей. Как человек, я вам полностью сочувствую. [...] Все же, мне не хотелось бы вызвать недоразумение. К вашим политическим идеям и методам я отношусь без малейшей симпатии. Я стою на совершенно противоположной позиции. [...] Что касается вашей борьбы с полицией, – добавил он поспешно, – то тут я, само собой разумеется, нейтрален. Полиция вызывает у меня такое же отвращение, что и фашизм».

Позже Визиру высказывается о том, что отличает его от легионеров: – Они во что-то верят, и поэтому они здесь за колючей проволокой. Я верю в демократию, но не занимаюсь политикой и поэтому не участвую в конфликте. Это защитники демократии, которые вас арестовали и привезли сюда. Я же стою вне борьбы.

Затем в беседе с одним легионером, которого тоже посадили в этот же лагерь, Визиру говорит: – Все же вы и ваше движение приписываете истории, живым событиям вокруг нас, слишком большое значение. Жизнь не была бы столь важна, если бы для нас, современных людей, она оставалась сведенной до одной лишь истории, которую мы делаем. История происходит исключительно во времени, и человек пытается изо всех своих сил сопротивляться времени. [...] Поэтому я предпочитаю демократию, так как она в то же время антиисторическая, ставит себе в какой-то мере абстрактный идеал, который противостоит историческому моменту.

Сообщение об убийстве Корнелиу Кодряну его преследователями вызывает у легионеров в лагере сильное душевное потрясение, тогда как Штефан Визиру реагирует с определенной сдержанностью: «Тогда Штефан услышал приглушенный, дикий крик как у раненного зверя: – Они застрелили Капитана! После этого во дворе больше не было слышно ни звука. Эта окаменевшая тишина казалась ему ужаснее любого крика. В следующее мгновение все упали на колени и всхлипывали. Некоторые снова и снова бились головами о землю. Другие ревели как побитые собаки. Жандармы с винтовками в руках смотрели на них. Штефан перекрестился и потупил взгляд».

Теперь главный герой книги Штефан Визиру отчетливо напоминает Мирчу Элиаде, так как с этой последовательностью заключения Визиру в Меркуря-Чук перекликается реальный факт в жизни Элиаде, и нет сомнения, что эти события были очень важны для Элиаде, даже если до сих пор его биографы, считающиеся замечательными знатоками творчества Элиаде – такие как Клод-Анри Рок и Роберто Скандьо – намеренно не обращали внимания на эти рассуждения, занявшие в романе восемь-девять страничек. Странно и то, что такие авторы как Фурио Джеси и Крешенцо Фиоре, которые как раз и хотели исследовать работы Элиаде на фоне легионерского духа и среды, проигнорировали пережитое Элиаде в Меркуря-Чук.

(«Вопрос остается открытым, является ли соответствие «тайного послания» произведения «Религии и Священное» и Каббалы результатом совершенно новых соображений Элиаде во время его эмиграции после Второй мировой войны,

или же скорее продолжением идеологического подхода Элиаде, который симпатизирует Железной Гвардии и скорбит о смерти Кодряну». (Фурио Джеси. «Культура справа», 1984. стр. 55). «Я пытался доказать, что антиисторизм румынского ученого коренится в мировоззрении, в котором доминирует легендарный мистик Корнелиу Кодряну. Я могу только сожалеть, что я не углублялся в изучение этого, что я не изучал точки соприкосновения с большей определенностью. Тем не менее, я убежден в том, что в большой части эстетических трудов Элиаде эта легендарная мистика оставила свои заметные следы» (Джованни Монастра, интервью с Крешенцо Фиоре, 1987. – здесь и далее в скобках примечания автора.)

Причина могла быть в том, что Джеси, а также Фиоре ничего не знали об этом периоде жизни Элиаде; при этом Фиоре, который опубликовал свое сомнительное, так как слабо опирающееся на исследования и документы, эссе в 1986 году, мог бы быть лучше проинформированным, если бы он в своей работе учел, например, написанное мною введение («Introduzione») к «Circolari e manifesti» Корнелиу Зели Кодряну, процитировал его или хотя бы, вероятно, просто внимательно прочел. Но также и в его публикации «Storia sacra e storia profana in Mircea Eliade», появившейся еще четырьмя годами раньше, ему следовало бы тщательнее проводить свои исследования, а именно обратить внимание на работу «Al passo con l'Arcangelo», которая наряду с переводами легионерских песен содержит также свидетельство легионерского поэта Раду Джиря «Sofferenza, sacrificio e canto» («Страдания, жертвы и пение»). Там он вспоминает о своем многомесячном пребывании в лагере Меркуря-Чук.

Действительно, из написанных Раду Джиром строк читатель может узнать, что среди заключенных Меркуря-Чук были не только люди, которые поддерживали близкие отношения с Элиаде – как Михаил Полихрониаде и особенно Нае Ионеску, но и то, что там под арестом также находился самый знаменитый и самый значительный студент Ионеску, а именно сам Мирча Элиаде. Прочитав несколько мест из написанного Раду Джиром: «Нае Ионеску и Михаил Полихрониаде превосходным слиянием легионерского поведения с трезвой и уравновешенной диалектикой и глубиной настоящей культуры придавали лагерю высокий интеллектуальный стиль, часто превращали его в университет для легионеров. [...] Кроме того, в лагере против легионеров были применены дисциплинарные меры из-за одной песни – вызванной памятью о Капитане, которую запели легионеры во время одного из безвредных собраний, на которых профессор Нае Ионеску делал свои научные доклады. [...] Торжественная невозмутимость, с которой профессор Нае Ионеску делал свои университетские доклады, превращала узников лагеря в интеллектуальную элиту и делала холодные сте-

ны простой общей спальни академией [...] Нае Ионеску подчинил лагерь своей власти своей чрезвычайной силой мысли, с которой он обычно рассматривал события, честью и благородством своей души, что он доказал, стойко перенося свою болезнь и постоянные придирки преследователей и всей страшной строгости лагеря. [...] Только что они привезли в лагерь арестованных товарищей, среди них Мирча Элиаде и Иордаке Никоарэ; вместе с ними пришли также многочисленные сообщения о массовых осуждениях легионеров по всей стране».

К этому свидетельству Раду Джера можно добавить еще свидетельство Иона Флешериу: «В конце апреля привозят профессора Нае Ионеску: позже следует также Мирча Элиаде».

Резюме: В 1938 году Мирча Элиаде находился в концентрационном лагере Меркуря-Чук, так же, как герой его книги «Запретный лес». Однако правильно ли было бы полностью идентифицировать автора романа с его центральной фигурой и, принимая этот роман как биографию, предполагать, что Элиаде 1938 года разделял именно ту позицию, которую он позже вложил в уста своего литературного героя Штефана Визиру? Иными словами, можно ли исходить из того, что Элиаде был чужим человеком для заключенных в Меркуря-Чук легионеров? Или даже, что он, как Штефан Визиру, был сторонником демократии и попал в концлагерь только чисто случайно по причине недоразумения?

Но та фраза Раду Джера, где говорится, что Мирча Элиаде был среди только что «арестованных товарищей», свидетельствует о противоположном.

С другой стороны, сам Элиаде сообщает нам: «В «Запретном лесе» я переработал большую часть моих воспоминаний о службе безопасности и о лагере Меркурие-Чук, и я сожалею, что я сделал это, так как вследствие этого я пробудил впечатление, будто мой главный герой Штефан Визиру – это мое второе «я», а это не так». Эти строки взяты из тома с воспоминаниями, который был опубликован посмертно, и который – в противоположность трем другим автобиографическим книгам Элиаде – описывает отношения автора с легионерским движением и подробно рассказывает о том, что пережил Элиаде как заключенный в Меркуря-Чук. То, что обе эти главы Элиаде стали откровением для части читательской аудитории, доказывает реакция интеллигенции определенного рода. Так, например, Эдгар Райхманн писал в «Le Monde» со слышимым зубным скрежетом: «При жизни он никогда не признавался в этом [...] Сегодня, однако, посмертно, он признает, что это была правда, и при этом, тем не менее, не выказывает никакого раскаяния. Это печально».

Но из первых обеих глав в отношении вопроса о том, как воспринимал Элиаде царивший в 1937-1938 годах в Румынии политический климат, следует следующее:

«Политическая атмосфера медленно ухудшалась и грозила дальнейшим ухудшением. Легионерское движение, т.е. Железная Гвардия, непрерывно приобретало все большую популярность. Некоторые из моих друзей и коллег уже много лет назад присоединились к движению. Другие, вероятно, еще выжидали правильный момент, чтобы быть принятыми. Нае Ионеску – даже если он не был официальным членом – рассматривался как идеолог, что-то, что провоцировало других правых интеллектуалов и журналистов. Незадолго до парламентских выборов осенью Юлиу Маниу и Корнелиу Кодряну приняли решение о предвыборной договоренности, чтобы защититься от случаев злоупотребления властью со стороны правительства. Весьма вероятно, что эта предвыборная договоренность стала роковой для легионерского движения. Не только из-за того, что их успех на выборах превзошел все ожидания, а, прежде всего, потому, что правительство не смогло получить те 40 % голосов избирателя, с которыми оно гарантировало бы себе большинство в парламенте. Поэтому выборы были просто объявлены недействительными. Король поручил Октавиану Гоге, чтобы он сформировал правительство с Армандом Кэлинеску как министром внутренних дел, и объявил новые выборы на зиму. [...] В течение зимы предвыборная борьба велась с еще большим насилием. Позже Арманд Кэлинеску утверждал, что король Кароль по причине таких опустошительных результатов выборов предостерегал его о том, что легионерское движение снова определенно сможет объединить вокруг себя большинство голосов избирателей. Эта оценка подтверждалась информацией, которую собирало министерство внутренних дел. Затем 11 февраля правительство Гоги тоже было отправлено в отставку и заменено новым правительством во главе с патриархом Мироном Кристей, но в действительности этим правительством руководил Арманд Кэлинеску. Так как конечной целью было уничтожение движения, многие из нас спрашивали себя, что было главной причиной для конфликта между королем Каролем и Кодряну и как могло до этого прийти. Вождь Железной Гвардии принял решение выбрать ненасильственный путь борьбы. В своем циркуляре он объявил, что правительство может пытаться и убивать, однако легионерам не следует реагировать на это. Тем не менее, когда Николае Йорга в «Neamul Românesc» написал, что в легионерских кафе готовятся заговоры, то Корнелиу Кодряну ответил ему в своих циркулярах и обвинил Йорге в том, что у него «нечестная душа». Это был тот момент, которого ждал Арманд Кэлинеску. Н. Йорга пытался возбудить дело из-за клеветы на себя, и после этого Кодряну в апреле 1938 был арестован и осужден на шесть месяцев тюремного заключения. В ночь до этого все объекты недвижимости, при-

надлежавшие легионерам, были захвачены полицией и подвергнуты обыску; и на следующий день после этого многочисленные газеты опубликовали статьи размером в целую страницу с факсимиле писем, которые должны были доказать, что легионерское движение готовит государственный переворот. Конституция была объявлена утратившей силу, и ежедневно издавались чрезвычайные законы. Само собой разумеется, что все газеты легионеров были запрещены.

Нае Ионеску был арестован наряду с более или менее всеми руководителями Легиона. По прошествии определенного времени мне сообщили, что арестованных разместили в здании сельскохозяйственной школы вблизи Меркура-Чук. Дошло до нового процесса против Кодряну и группы руководителей Легиона, на этот раз по обвинению в государственной измене. Теперь Корнелиу Кодряну был осужден на 10 лет тюрьмы». (М. Элиаде, «Воспоминания», том 2: 1937-1960).

Приговор Кодряну был вынесен 27 мая 1938 года. Элиаде арестовали примерно через два месяца. Элиаде так описывал эту сцену: «Это было 14 июля. Во второй половине дня ко мне пришел один итальянский ученик, который начал переводить «Девушку Майтрейю». Я начал читать его работу. Как только я прочитал одну страницу, мы услышали быстрые и громкие шаги на лестнице; спустя несколько мгновений в мое бюро ворвались полдюжина агентов и два жандарма. Они проникли в дом, теперь одновременно охраняли все входы и занимали все комнаты, а также ванную, где на посту стоял жандарм. Их начальник осматривал меня любопытным взглядом, и после того, как он проверил документы итальянского ученика, он рассматривал книжные полки и затем сказал мне с определенной вежливостью: «Вам нужно пойти с нами для составления протокола в службе безопасности. Приготовьте пижаму и возьмите с собой только самое необходимое для вашей личной гигиены. На случай допроса...»

Первые признаки предстоящего ареста стали заметны Элиаде с арестом Нае Ионеску. «Прямо или косвенно мы, его ученики и сотрудники, все солидарно поддерживали взгляды и политические представления профессора», пишет Элиаде; потому это не стало для него особенным сюрпризом, так как из газетных сообщений об осуждениях он узнавал о вещах, которые касались также его лично, «например, об отстранении Нае Ионеску с его должности университетского доцента и вместе с тем также об отстранении меня самого, так как я был его ассистентом». Эти новости не особо его удивили и дошли до него одновременно с сообщениями об осуждениях легионеров.

Элиаде пришлось провести шесть недель под арестом службы безопасности. Арманд Кэлинеску пытался добиться от него заявления, в котором Элиаде дистанцировался бы от Легиона, взамен на это ему вернули бы свободу. Кэлинеску даже предъявил ему готовый текст этого заявления вместе с уже поставленными подписями других; если бы его добавили к другим документам аналогичного вида, то правительство могло бы использовать его, чтобы лишить мужества и дезориентировать легионеров и их сочувствующих. Но за все время следствия Элиаде стойко отказывался «подписывать хотя бы одно из предъявленных ему писем и заявлений».

«Требовать от меня», пишет он, «который не верил в политическую судьбу нашего поколения (и не верил также в звезду Кодряну) заявления, с которым я бы дистанцировался от движения, казалось мне не только неприемлемым, но и бессмысленным. Для меня было невообразимо дистанцироваться от моего поколения во время этих ужасов, в то время как невиновных третировали и преследовали».

(Элиаде так объяснял причины неверия своего поколения в судьбу и в «звезду Кодряну»: «Я не знаю, как история оценит Корнелиу Кодряну. Фактом остается то, что вождь легионерского движения через четыре месяца после своего удивительного успеха на выборах был приговорен к десяти годам тюрьмы, и, отсидев пять месяцев, был убит. Эти события укрепили мое убеждение в том, что у нашего поколения вовсе нет никакой политической судьбы. Корнелиу Кодряну наверняка не стал бы мне в этом возражать. Потому что для него легионерское движение на самом деле было не политическим феноменом, а феноменом с этическо-религиозным ядром. Он часто повторял, что его интересует отнюдь не приход к власти, а «создание нового человека». Он уже давно знал, что король планирует его уничтожить, и если бы он захотел, он вполне мог бы сбежать в Италию или Германию, чтобы спасти свою жизнь. Но Кодряну верил в необходимость жертвы, он верил, что каждое новое преследование лишь очистит движение и сделает его сильнее, кроме того, он верил, что его собственную судьбу охраняет Архангел Михаил».)

Из-за отказа сотрудничать Элиаде в конце августа перевели в концентрационный лагерь Меркуря-Чук. Здесь он делил камеру с одним молодым священником, с Неллу Мынзату (он же Ион Мынзату, известный музыкант тех дней и автор многих легионерских песен), а также с Нае Ионеску, который уже прочел несколько лекций о метафизике для интернированных легионеров. В рамках этого вида легионерского обучения Элиаде попросили «сымпровизировать курс

об истории религий и сделать доклад о Ганди и индийском националистическом движении».

Весьма полезно с помощью описаний этого посмертно опубликованного дневника коснуться духовной жизни в лагере и рассмотреть несколько описаний легионерской духовности. «Вечером», как пишет Элиаде, «в завершение общей молитвы триста голосов спели внушительное «С нами Бог». На самом верхнем этаже была комната, которая была выделена для «постоянной молитвы». На протяжении одного часа, как в течение дня, так и ночью, там сидел один заключенный и молился, или читал Библию, прерываясь только в то мгновение, когда входил тот, кто должен был его сменить за этим занятием. В период между тремя и пятью часами утра, естественно, нужно было особенно стараться не заснуть, и многие товарищи просили, чтобы их в списке назначили как раз на это время. В истории современного христианства пост, молитвы и слепая вера во всевластие Бога редко были вознаграждены большей кровью. Позже, когда эта трагедия закончилась, я остался очарованным тем, что обнаружил ту же самую непреодолимую веру в немногих оставшихся в живых после этой бойни. [...] Известной банальности, что, мол, румынский народ – нерелигиозен (это единственный христианский народ, у которого нет святых, о чем нам так долго напоминали), несколько тысяч румын в период с 1938 по 1939 год – в тюрьмах и лагерях, преследуемые или свободные – дали единственную громкую отповедь».

Во время пребывания в лагере Элиаде переводил «The Fighting Angel» («Ангел-воитель») Перла Бака и писал свой роман «Свадьба на небесах». Когда у него появились признаки начинающегося туберкулеза, генерал Николае Кондеску (друг семьи) потребовал у Арманда Кэлинеску выпустить Элиаде, чтобы писатель смог подлечиться в санатории.

«Я не знаю, как удалось первому убедить последнего», пишет Элиаде, «без сомнения из-за постоянного кровавого кашля, который был у меня в течение последних восьми дней. Все-таки я пользовался привилегированным статусом, что скоро стало ясно коменданту лагеря: Среди дюжин больных туберкулезом в лагере я был единственным, о состоянии которого Бухарест постоянно «хотел быть в курсе».

25 октября Элиаде покинул лагерь Меркуря-Чук и был переведен в санаторий Мороени, который он покинул 25 ноября.

Глава 1.2.

«Последняя возможность Румынии»

13 декабря 1937 года Эмиль Чоран написал из Парижа своему «дорогому Мирче» письмо, в котором он не только заказал себе подписку на «Cuvântul» («Слово»), но и одновременно предложил Нае Ионеску и Мирче Элиаде свое сотрудничество в газете; «власти считали ее подозрительной, так как она высказалась против роспуска Железной Гвардии». В 1933 году Чоран также открыто писал о своих собственных политических представлениях. Тон письма позволяет сделать вывод о большой близости позиций Чорана и Элиаде. Факт состоит в том, что к тому моменту, когда Чоран передвигался в окружении Легиона, Элиаде открыто был кандидатом в предвыборном списке легионерской партии «Totul pentru Țară» («Всё для отечества»), но, тем не менее, не смог получить места в парламенте, так как этот парламент так никогда и не был созван. «Каждый жест для разрушения демократии в Румынии – это акт творения» – таким образом также и предстоящий успех Железной Гвардии на выборах – писал Эмиль Чоран; и в послевоенное время его прошлое как противника демократической системы тоже «просвечивало» в нескольких его текстах. Как 26-летний философ он сравнивал французскую молодежь с румынской, и считал румын «интереснее», так как, мол, «молодые французские националисты [...] – это кузисты». Переводчики текста Чорана на итальянский язык – Д. Попа и М. Дорисса – прибавляют здесь комментарий, что кузисты – это «сторонники А.К. Кузы». Читателю, слабо знакомому с историей Румынии, это тоже ничего не скажет. Смысл сделанного Чораном замечания о французских националистах становится, однако, понятным, если уяснить, что легионерское движение тогда только начало развиваться, исходя из своих собственных духовных сил, соответствующую национальным реальностям политику и эмансипироваться вместо того, чтобы и дальше двигаться под мировоззренческой опекой профессора Александру Кузы, который лишь неохотно принимал динамику молодого поколения. Чоран хотел дать понять Элиаде, что – за исключением группы Дорио, того «самого лучшего среди всех тех националистов, которые одарены руководящими способностями» – французский национализм все еще оставался в том состоянии, которое румыны уже давно превзошли благодаря легионерскому движению. Но выделяющееся предложение в письме Чорана следующее: «Как никогда я убежден, что это... – последняя возможность Румынии». Мы взяли это предложение, включая маленькие многоточия, дословно из собранного Марином Минку и Роберто Скандьо и напечатанного издательством «Jasa Book» издания писем Чорана. Решающий вопрос, какой пропуск, собственно, заменили эти три

точки. Вероятно, переводчицам писем не во всех случаях удалось расшифровать рукопись Чорана? Если предположить, что не было возможности спросить об этом самого Чорана, или что он больше не мог объяснить это, и потому текст должен был остаться неполным, тогда, конечно, здесь было бы весьма уместно примечание издателя, которое не давало бы пищу для подозрений о цензурном вмешательстве со стороны издательства. В любом случае этот вопрос еще остается без ответа: Кто был или что было для Чорана – и, вероятно, также для Элиаде – «последней возможностью Румынии»?

В одном можно быть уверенным: Это был кто-то или что-то, с чем они связывали ожидание «разрушения демократии».

Чоран и Элиаде оба были учениками Нае Ионеску. И это тот самый Элиаде, который в 1937 году писал об его учениках, что у них «хотя они и разные, все же, есть несколько общих черт: они – реалисты и антидемократы. Но какое различие между Мирчей Вулкэнеску и Эмилем Чораном или между Г. [Георге] Раковяну и Михаилом Себастьяном!»

Глава 1.3.

Элиаде – «антисемит»?

Некий «Институт доктора Якоба Немировера» с местонахождением в Иерусалиме опубликовал в 1972 году первый номер бюллетеня на румынском языке, называвшегося на иврите «Толадот» («Истоки»). Примечательным в этом издании было «досье» о Мирче Элиаде, в котором были напечатаны несколько строк из легионерского журнал «Buna Vestire» от 17 декабря 1937 года и Элиаде приписывались следующие слова:

«Может ли румынский народ отстоять свое существование в самом печальном случае [...], пожираемый нищетой и сифилисом, наводненный евреями и разложенный иностранцами? [...] Революция легионеров должна достичь наивысшей цели: освобождения народа».

Вложенные в уста Элиаде слова были затем переведены религиоведом Альфонсо Марией Ди Нолой на итальянский язык и посредством израильского пропагандистского издания стали известны также в Италии. Небрежно «интеллектуал редкого происхождения», автор статьи «Cultura di destra» (по-итальянски «Культура справа») по имени Фурио Джеси умножил знания своей нееврейской читательской аудитории.

(Фурио Джеси был назван «интеллектуалом редкого происхождения» в его некрологе, написанном Серджо Моравиа и опубликованном в еженедельной газете, издаваемой Арриго Леви.)

Эссе Джеси было напечатано сначала в основанном Адриано Оливетти журнале и затем вновь – на этот раз, как говорится, для «простых смертных» – было напечатано издательством «Garzanti».

(Адриано Оливетти (1901-1960) – выдающийся итальянский предприниматель, отец которого Камилло был основателем империи «Оливетти», известной в германском мире в основном своими печатными машинками. Адриано Оливетти, жена которого была по отцу еврейского происхождения, хоть и вступил в Фашистскую партию Италии, но во время войны поддерживал контакты с антифашистским сопротивлением. Политически Оливетти тяготел к кооперативному принципу в духе утопического социализма Шарля Фурье и Роберта Оуэна, и всю свою жизнь пропагандировал этот принцип в своих публикациях.)

На самом деле лишь вторая часть цитаты *после обозначения пропуска* принадлежит Элиаде, в то время как первая ее часть принадлежит редакции. Иоан Петру Кулиану только частично прав, когда он, опираясь на филологический подход, приходит к несколько неуклюжему выводу, что речь здесь идет о «плохом подлоге».

Ниже мы еще раз вернемся к цитате Элиаде, которая встретит нас, тогда, однако, уже в нефальсифицированной форме, без чужого дополнения.

Какой цели служила инициатива «Толадот»? Умерший Фурио Джеси объясняет нам это как бы совсем между прочим: Она должна была загладить «неловкую ошибку одного из самых уважаемых членов Еврейского университета Иерусалима, Гершома Шолема, который без всяких сомнений или оговорок оказал честь Элиаде своим сотрудничеством в посвященном ему томе». Речь шла о типичном вымогательском предупреждении. Но «Толадот» также одновременно сумел наложить сионистское вето против представления кандидатуры Элиаде на Нобелевскую премию. Само собой разумеется, ни Джеси, ни то лобби, рупором которого он был, ничего не говорили об истинной цели «Досье Элиаде». Интересно, что в одном романе Элиаде содержится отголосок отказа номинировать его на Нобелевскую премию. В этом романе, «*Nouâsprezece trandafiri*» («Девятнадцать роз», немецкий перевод вышел в 1982), можно определить несколько автобиографических элементов; среди прочего, затронута и тематика Нобелевской премии, которая должна была быть присуждена главному герою А.Д.П. Слухи говорили, «что у А. Д. П. на этот раз были, мол, большие перспек-

тивы получить Нобелевскую премию». «Никаких шансов!» – возразил Альбини убежденным тоном: Мы проинформированы, что шведы точно разбираются в ситуации. В немецкой прессе появилось несколько статей [...]».

Оба интеллектуала – «редкого происхождения» – которые распространили «открытие» «Толадот» в Италии, шли в фарватере Амброджо Донини, который еще в 1949 году публично предал Элиаде анафеме; тридцать лет спустя Джеси перефразировал ее в библиографическом еженедельнике Арриго Леви «Tuttolibri» со следующими словами: «Элиаде – это гнусный румынский эмигрант, фашистский подстрекатель». Более поздние обвинения произносились еще немного более откровенно. По словам этих современных инквизиторов Элиаде не только написал только что процитированные нами пассажи, но еще и «Элиаде, следовательно, был опечален, когда Корнель [именно так!] Кодряну был убит (30 октября 1938), и также не видел ничего предосудительного в том, чтобы в 1942 году представлять румынское правительство в качестве культурного атташе за границей и подписывать договор о депортации всех румынских евреев в лагеря смерти с консультантом Эйхмана по еврейским вопросам [для Румынии] Густавом Рихтером».

Корнелиу (а не «Корнель») Кодряну был убит не 30 октября 1938, а в ночь с 29 на 30 ноября того же года.

То же самое касается обвинений, которые выдвигает Джеси, желающий свалить на Элиаде какое-то «моральное соучастие» в депортации румынских евреев. Кулиану понадобилось всего примерно тридцать написанных с точки зрения историка строк, чтобы обнаруживать всю противоречивость утверждений Джеси.

(Кулиану пишет: «Я не понимаю, как какой-то культурный атташе может нести ответственность за правильные или неправильные действия его правительства. Кроме того, в данном случае об этом вообще не может быть и речи. Потому что назначение Элиаде произошло в 1940 году, а не в 1942, как утверждают «Толадот» и Джеси. 10 апреля 1940, спустя менее месяца после смерти Нае Ионеску, Элиаде был направлен в Лондон. Но кем? Это было не правительство Антонеску (которое, кстати, как доказал М. Наги-Талавера, никогда не подписывало соглашения, которого требовал Эйхман), потому что Антонеску пришел к власти лишь 14 сентября 1940 года. Правда, правившее до этого правительство И. Джигурту действительно издало несколько антисемитских законов. Если Элиаде был назначен этим правительством, то утверждения «Толадота» (и Джеси) можно было бы частично понять, если и не одобрить. Но «Толадот», Ди Нола, Джеси и Филиппини были бы очень расстроены, если бы узнали, что правительство,

назначившее Элиаде, возглавлялось (с 24.11.1939 по 4.7.1940) человеком по имени Георге Тэтэреску, противником «Оси» и сторонником союза с Англией. Элиаде был непосредственно назначен министром культуры К. К. Джуреску, демократом, который позже стал официальным коммунистическим историком».)

Нужно напомнить и о том, что в рецензии на «Культуру справа», которая появилась в газете «La Repubblica», Элиаде даже обвинили в том, что он якобы выдавал «СС румынских евреев». Гротескное утверждение, которое в переводе, пригодном для среднего уровня демократической интеллигенции и вплетенное в красноречивые фразы Джеси – в конечном счете, должно читаться таким образом: Элиаде был «мистическим (однако, также очень конкретным) антисемитом в Румынии Железной Гвардии».

Так как «антисемитизм» на сегодняшней шкале моральных ценностей является такой виной, которая по причине своей невообразимой гнусности заставляет померкнуть в сравнении с собой любые, даже самые большие заслуги, «элиадист» Иоан П. Кулиану в своем усердии защитить своего учителя от такой смертельной клеветы использовал все: «*Антисемитом Элиаде, без сомнения, не был*». Чтобы придать вес решительности и определенности своих слов, Кулиану даже выделил эту фразу курсивом. Конечно, Элиаде никогда не был антисемитом; но, все же, представляется, что Кулиану немного дал себя запугать этими агрессивными обвинениями – он ссылается даже на «Толадот» и Ко. – и что он, ведомый апологетической страстью, слишком много позволяет себе, до такой степени увлекаясь желанием подчеркнуть, что Элиаде «не был антисемитом, не был легионером», что даже доходит до утверждения, будто бы «любую непосредственную связь между Элиаде и движением легионеров следует отвергать».

(Впрочем, строго говоря, если не обобщать слишком сильно, ни в коем случае нельзя сказать, что ведущие легионеры были антисемитами. Вспомним, например, Василе Марина, который женился на еврейке, или Василе Новяну, «инструктора легионеров» [...], сына обращенного в православие еврея». (Horia Sima. *Il crollo di un'oligarchia*. Т. 1. Parma: Edizioni all'insegna del Veltro, 1985. стр. 63-64). Но, если не считать значения, которое «антисемитизм» имел для Железной Гвардии, мы не находим положительной оценки отношения Элиаде к еврейству, даже у Кулиану или других «элиадических» авторов, которые написали похожую апологию этого видного ученого. Недавним примером такой затеи можно назвать работу одного автора новокатолической публикации: После того, как он попытался убедить своих читателей, что Железная Гвардия была уничтожена «нацистами» (именно так!), он старается – вероятно, из своеобразного комплекса неполноценности по отношению к «самым большим братьям» – по-

ставить Мирчу Элиаде на одну ступень с такими авторами как «Розенцвейг, Бубер, Хешель, Левинас, которые были мыслителями традиции, и, слава Богу, евреями» (I Quaderni di Avalion от 13 апреля 1987. стр. 134 и 141). – Несколько интересных соображений об этой аргументации есть в статье профессора Пьеро Ди Воны: «Это были тогда еврейские пророки, которые привели к падению мир традиции и архаичных обществ! Нельзя ли сказать, что Элиаде [...] возлагает на них ответственность за падение человека в мир исторического времени и поэтому также за вхождение [человека] в космически-исторический упадок? Нам кажется, что Элиаде этим тезисом в действительности дал узаконивание связанного с традиционализмом характера к антисемитизму и к расизму в послевоенное время. [...] В высшей степени знаменательно, что Генон в 1945 году возлагал ответственность за начало последнего срока человеческого мира лишь на тех евреев, которые отпали от своей собственной традиции, в то время как Элиаде в то же время приписывал новое понимание истории религиозной иудейской элите. [...] Элиаде, который приписывал еврейской элите преодоление циклического взгляда на мир – исторические причины, почему он это делал, можно оставить без внимания – продолжал очень осторожно, тогда как Генон со своей стороны, без сомнений, говорил о «контр-иерархии», об элите, которой противопоставлено легитимное значение. (Piero Di Vona, «Storia e Tradizione in Eliade», в Diorama letterario, №109, стр. 10))

Глава 1.4.

Теоретик легионерского движения

В романе «Запретный лес» главного героя Штефана Визиру из-за его внешнего сходства неоднократно путают со знаменитым писателем Чиру Партение; на этом мотиве романа Иоан Кулиану основывает свою версию, что Мирче Элиаде пришлось претерпеть ту же судьбу, что и Визиру. Другими словами, не только «Толадот» и Ко., а даже румынское правительство совершило якобы ту же самую ошибку, а именно перепутало Элиаде с Нае Ионеску, который действительно был «теоретиком религиозного антисемитизма и сторонником фашизма». Как замечает Кулиану, несколько «неолегионеров» позже совершили ту же самую ошибку:

«Даже несколько неолегионеров стали жертвой этой ошибки. Так, И. Мэрли писал, что Элиаде якобы принадлежал к одному из «гнезд» Железной Гвардии в качестве члена (в его вступлении к I. I. Moța, L'uomo nuovo, Padua, 1978, стр. 11). Итальянские неофашисты полагают, что Элиаде был близок к Кодряну. У А. Ромуальди можно прочитать, что Юлиус Эвола «(поехал) в Бухарест и (видел)

Кодряну и Мирчу Элиаде, которые принадлежали к Железной Гвардии». (Julius Evola: *L'uomo e l'opera*, Roma, 1968, стр. 43). Я не знаю, видел ли на самом деле когда-нибудь Эвола Элиаде в Румынии. Если он приезжал в Бухарест, чтобы встретиться с Кодряну, тогда он там, вероятно, встретил также Нае Ионеску и в этом случае, возможно, также его ученика Мирчу Элиаде. Но ни Ионеску, ни Элиаде никогда не входили в Железную Гвардию».

Действительно в своем предисловии к «Новому человеку» И. Моцы Ион Мэрли говорит, что Мирча Элиаде «принадлежал к одному из «*cuib*» («гнезд») Легиона», и, согласно Мэрли, несколько аспектов легионерского учения о жертве можно объяснить как «возникшие под влиянием теории Мирчи Элиаде», например, «архаичной теории периодической регенерации священных сил» (*Trattato di storia delle religioni*, Турин 1972, стр. 359)».

Что касается принадлежности Элиаде к одному из легионерских «*cuib*» («гнезд»), то Ион Мэрли замечает, что об этом свидетельствуют также другие старые борцы Железной Гвардии, от которых никак нельзя отмахнуться как от «неолегионеров»; согласно их высказываниям получается, что ученый Элиаде принадлежал к интеллектуальной «семье легионеров», которую возглавлял поэт Раду Джир, и которая была основана специально как соединение значительных личностей со значительным уровнем образования. Кроме того, также совершенно оправдана ссылка на письменное творчество Элиаде как фундаментальный текст для разработки легионерской доктрины, так как Корнелиу Кодряну сам – за сорок лет до Иона Мэрли и его вступительного комментария – назвал Элиаде теоретиком мировоззрения движения легионеров.

31 мая 1938 года, в первый день процесса против Корнелиу Зели Кодряну перед военным судом II армейского корпуса, подсудимый давал показания, среди прочего, и по вопросам в отношении нескольких статей, которые были написаны различными известными авторами для легионерской газеты «*Buna Vestire*» («Благовещение»). У одной такой статьи был заголовок «Почему я верю в победу легионерского движения», и принадлежала она перу Мирчи Элиаде. В хронике процесса эта опубликованная в пятницу 17 декабря 1937 года в «*Buna Vestire*» статья вызвала особенный интерес. Элиаде писал в ней следующее:

«Сегодня весь мир живет под знаком революции. Но если разные народы совершали эту революцию под знаменем классовой борьбы или приоритета экономики (коммунизм), или государства (фашизм), или расы (национальный социализм), то легионерское движение возникло под знаком архангела Михаила и будет побеждать Божьей милостью.

В то время как все современные революции являются политическими, легионерское движение – это скорее революция ментальная и религиозная... В то время как все современные революции имеют своей целью захват власти общественным классом или определенным человеком, легионерская революция ставит целью Спасение нации, примирение народа с богом, как это сказал Капитан. Победа легионерского движения не только восстановит добродетель нашего народа, создаст полную достоинства и силы Румынию – но она создаст новый тип людей, соответствующий новому цельному образу жизни».

Эти слова, которые Элиаде написал по поводу предстоящего триумфального успеха Железной Гвардии на парламентских выборах и самих выборов, в результате которых 66 легионеров прошли в палату депутатов (среди них также и сам Элиаде), в такой фундаментальной степени совпадали с доктриной легионеров, что Корнелиу Кодряну лично мог бы сказать об этом тексте, что в нем выражены как суть легионерского движения, так и его отличие от современных политических движений других наций.

Во всяком случае, в марте 1938 года (за два месяца до процесса) Капитан так говорил Юлиусу Эволе:

«Человек состоит из организма, это значит из организованной формы, из жизненных сил и из души. То же самое верно и для народа. Также и в нем можно найти эти три элемента, причем в национальной конструкции государства, хотя он естественно объединяет все три элемента, тем не менее, по разнообразным причинам и из-за различных долей наследия, один из этих элементов может преобладать».

«По моему мнению, для фашистского движения преимущественное значение имеет национальная конструкция государства, это соответствует как раз элементу организованной формы. Здесь отражаются формообразующие силы Древнего Рима. Рим – это мастер права и политической организации, и итальянец – это его самый непосредственный духовный наследник. В национал-социализме, однако, на передний план ставится все, что связано с жизненными силами расы, инстинктом расы и народным духом. Румынское движение легионеров, в отличие от этого, включает в себя в первую очередь все то, что берет начало от духовно-религиозного аспекта в жизни души народа». ([Юлиус Эвола, «Беседа с вождем Железной Гвардии»](#)).

Вернемся к цитате Элиаде. Очевидно, что Кулиану неправ, когда он решительно утверждает, что его учитель Элиаде никогда не публиковался «в указанном журнале «Buna Vestire»; больше того, Кулиану цитирует как раз этот номер от

17 декабря 1937 года, в котором и содержится зачитанный перед судом на процессе против Кодряну текст. И Кулиану ошибается также в том отношении, когда он, как мы только что установили, оспаривает, что Элиаде обращался в cuib («гнездо») Железной Гвардии.

Вторая часть комментариев Кулиану, касающаяся проблематики встречи между Юлиусом Эволой, Корнелиу Кодряну и Мирчей Элиаде, дополняется «Постскриптумом» Кулиану в 1983 году и была опубликована в немецком издании его статьи как результат более поздней перепроверки.

«Мое предположение», писал Кулиану, «было подтверждено самим Мирчей Элиаде, в его «Фрагментах дневника», часть II 1970-1978, Париж 1981, стр. 193 и далее. Элиаде действительно встретился с Эволой, а именно в доме Нае Ионеску. Эвола имел тем утром беседу с Кодряну и был очень впечатлен его мистицизмом. Элиаде в своем дневнике с тонкой иронией записал реакцию Эволы на рассуждения его собеседника, в которых раскрылось полное отсутствие политического здравого смысла у Кодряну. Затем отношение Элиаде к Эволе описывается с той же отстраненной иронией. Элиаде никогда не был готов принимать всерьез таких «прошедших инициацию» как Эвола и Генон, так как он, как говорил он сам, писал для другой публики».

Здесь Кулиану противоречит тому, что он писал в 1978 году в своей монографии о Элиаде, а именно, что он считает «должным» «причислить также Генона и Эволу к тем авторам», которые существенно способствовали «формированию религиозно-исторических теорий Элиаде». Здесь мы не будем исследовать, в какой мере Элиаде принимал всерьез Эволу и Генона, во всяком случае, категорические ссылки на обоих этих авторов не часто появляются в его творчестве. Кто хотел бы узнать больше о «сходствах между представления Элиаде и представлениями таких знаменитых учителей традиции как Юлиус Эвола и Рене Генон», «которые не были ни случайными, ни второстепенными», тому следует обратиться к исследованиям Пьеро Ди Воны и Крешенцо Фиоре.

Однако в отношении «тонкой иронии», с коей – согласно Кулиану – Элиаде якобы делал в своем дневнике заметки об Эволе, который якобы был очарован неполитическим Капитаном Железной Гвардии, мы должны признать, что мы не смогли увидеть в дневниках Элиаде такого ироничного взгляда. Мы переводим то спорное место в тексте, на которое ссылается Кулиану, так:

Юлиус Эвола «познакомился с ним в 1937 году в доме Нае Ионеску. Кроме нас троих там присутствовали еще Октавиу Оническу и тогдашняя спутница жизни нашего профессора. Этим утром у Эволы была возможность встретиться с Ко-

дряну, и эта встреча сильно взволновала его. Когда Эвола задал ему несколько вопросов о политической тактике, которую он намеревался бы использовать, и о шансах Легиона на победу на предстоящих выборах, Кодряну вместо этого заговорил о воздействиях нахождения в тюрьме на индивидуума, а также об аскетизме, которое вызывает тюремное заключение, о созерцательной добродетели, которая вследствие этого смогла выразиться в нем, в уединенности, тишине и темноте, которые все являются как бы средствами, благодаря которым индивидуум открывает самого себя. Эвола от этого пришел в восторг. Я еще смутно вспоминаю рассуждения [Эволы] о затухании созерцательного учения в политической борьбе Запада».

Об обстоятельствах встречи существует важное свидетельство, которое обосновывает, что отношение Элиаде ни в коем случае не может быть названо «тонкой иронией». Это свидетельство говорит о том, что Элиаде присутствовал при встрече Эволы и Кодряну, встрече, которая произошла в «Зеленом доме», штаб-квартире легионерского движения.

Это свидетельство принадлежит Василе Постеукэ. Он рассказывает, что Эвола, после того, как он прибыл в Румынию, чтобы познакомиться с Кодряну, сначала обратился к Элиаде. «Я здесь не могу полностью передать все», пишет Постеукэ, «что доверил мне Мирча Элиаде (вероятно, он сам однажды где-то напишет об этом); я только замечу, что Эвола возвратился после беседы, длившейся десять-двенадцать часов, еще полностью находясь под воздействием чар духовной силы Капитана. [...] Я никогда не забуду те часы в Париже, когда Мирча Элиаде с его столь характерной благосклонностью и его спокойствием, его голосом, в котором резонировали звон колоколов и меланхолия «дойны», сообщал об этом историческом событии, той встрече в Бухаресте. Он подтвердил мне все то, что я уже знал о вожде Легиона, однако, в том свете и с такими словами, которые были мне неизвестны до того момента». И Постеукэ заканчивает словами: «Элиаде мог бы написать прекрасную книгу о Капитане».

(Дойна – старинный жанр меланхолических народных песен румын и молдаван, корни которого восходят еще к валахам.)

Итак, эта попытка Кулиану «реабилитировать» Элиаде в глазах демократической и буржуазной публики, не очень-то удалась. Также другие апологеты потерпели неудачу с этой затеей, например, Марио Буссалли, стремившийся преуменьшить «большую симпатию Элиаде к Железной Гвардии» до пустого проявления «юношеского восторга»; аргументация, которая, очевидно, содержит в себе противоречия, так как тот же автор, который ее выдвинул, пишет о Мирча

Элиаде 1939 года: «Элиаде [...] определенно не был настроен к Железной Гвардии враждебно». В 1939 году Элиаде было уже 32 года; представляется не особо допустимым приписывать в такой связи «юношеский восторг» мужчине такого возраста. И еще одно противоречие можно констатировать в аргументации Буссальи: Если Элиаде в 1939 году не был настроен враждебно по отношению к Железной Гвардии, что означает это тогда для «отречения Элиаде» от Нае Ионеску, того плохого учителя, который «одному из своих учеников», «однозначно позорно» (именно так!) перетянув его на сторону своих «экстремистских убеждений» – «бессмысленно» поставил на него «позорное клеймо», которое тот отныне «вынужден был нести»?

На церемонии похорон Нае Ионеску, который умер 15 марта 1940 года при таинственных обстоятельствах, Элиаде лично произнес надгробную речь. Если бы ученик действительно отрекся от своего учителя, то было бы, разумеется, понятно и нетрудно найти для этой цели другого оратора.

(Хория Сима писал, что «из Румынии нам сообщили, что смерть профессора не была естественной, и что кто-то из его окружения передал ему, у которого было больное сердце, неподходящее лекарство, что и было причиной его смерти. Человек, которого подозревали в том, что он ускорил смерть профессора, был связан с королевским двором, камарилья действительно подстрекала его к этому поступку и передала ему за это большую сумму денег.)

Глава 1.5.

Неопубликованная трагедия

Та «прекрасная книга о Капитане», которую так хотел Постеукэ, Мирча Элиаде, вероятно, действительно написал. Имеется в виду пьеса, трагедия о Железной Гвардии и ее Капитане, которую, тем не менее, ее автор так никогда и не опубликовал. Источником этой информации является Юлиус Эвола, который устно сообщил ее одному из знакомых автора. Эти сведения могли бы подтвердить те слухи (которые доносились из кругов румынской эмиграции), что Элиаде якобы оставил рукописное произведение о Корнелиу Зеле Кодряну среди своих личных документов.

В начале романа «Девятнадцать роз», к автобиографической ценности которого мы уже обращались, актер Лауриан Сердару спрашивает знаменитого писателя Ангела Думитру Панделе, сплошь обозначенного в книге просто как А.Д.П.: – Разве не вы тридцать лет назад написали «Орфея и Эвридику», трагедию в двух

актах и пяти картинах? И Панделе отвечает: – Но откуда, мой дорогой, вы узнали об «Орфее и Эвридике»? Это единственная пьеса, которую я написал в моей жизни; ее никогда не ставили на сцене, и я нигде ее не публиковал, даже отрывки из нее в журналах тех дней.

Где-то в середине романа А.Д.П., когда он говорит со своим личным секретарем, еще раз возвращается к этой теме: – Тогда я думал, что «Орфей и Эвридика» – это слабая неудачная пьеса, и с тех пор я никогда не пытался перечитать ее снова. [...] И я не могу объяснить себе, что внезапно произошло со мной, что я после телефонного звонка Никулины снова откопал рукопись этой пьесы и положил ее в чемодан. – Ну, хорошо, – воскликнул он, – я снова ее прочитал, и теперь пьеса вовсе не кажется мне плохой. Конечно, это юношеская работа, обремененная характерными для начинающих авторов недостатками. Все же, если бы я продолжил писать пьесы, то я писал бы все лучше и лучше. Сегодня я был бы, я не боюсь произнести это, великий драматург. Однако кое-что вмешалось, кое-что, о чем я не в состоянии вспомнить, что воздействовало, тем не менее, как мечта. С тех пор как...

В национальном театре города Германштадт (по-румынски Сибиу) «один единственный раз, в декабре 1938 года» состоялась репетиция пьесы А.Д. П., и в то Рождество 1938 года, которое я провел в Сибиу, говорит А.Д.П., произошло «кое-что, что поставило мою жизнь с ног на голову...» Как уже рассказывалось выше, Элиаде в 1938 году попал в концентрационный лагерь и узнал о смерти Кодряну. Прототипом Германштадта здесь, вероятно, был Меркуря-Чук, так что репетиции «Орфея и Эвридики» могли бы соответствовать возможному представлению трагедии Элиаде, которая рассказывала о Железной Гвардии и была поставлена перед публикой интернированных легионеров. И действительно мы на основе высказываний Раду Джера и, прежде всего, на основе рассказанного Элиаде в романе «Запретный лес» знаем, что в общих спальнях старого монастыря арестанты смогли организовать несколько литературных «вахт».

Все это походит на драму Чиру Партение, того персонажа из «Запретного леса», за которым скрывается Нае Ионеску. как раз по этой причине пьеса Партение была озаглавлена «Траурный почетный караул», «тем не менее, она не была найдена среди его бумаг». В «Запретном лесе» написание этой исчезнувшей драмы приписывается Партение/Ионеску, и в более поздней книге «Девятнадцать роз» с большой вероятностью персонаж А.Д.П. – вместе с его секретарем Эусебиу – служит для того, чтобы представлять самого Мирчу Элиаде.

Почему, однако, именно такой заголовок «Орфей и Эвридика»? Справедливо ли также для произведения А.Д.П. то, что говорит Бибицеску о книгах Чиру Партении, а именно: «все его заголовки – это псевдонимы»? Джеси заметил, что «орфизм» древних даков, повторяющийся мотив в кругах этих «традиционалистских интеллектуалов», всегда образовывал задний план Железной Гвардии. И действительно, румынская традиционалистская литература 1930-х годов (и часто также симпатизирующая легионерам) часто ссылается на орфическую традицию: так, например, в ряде статей, которые были опубликованы между 1936 и 1937 в серии журнала «*Études Traditionnelles*» и некоторое время тому назад были объединены в сборнике. Василе Ловинеску, он же «Гетикус», видел в Орфее ипостась, с которой в дакской легендарной традиции обозначается роль «Царя мира».

Элиаде, который посвятил орфизму 22-ю главу своей «*Histoire croyances et idées religieuses*» («История веры и религиозных идей»), заставляет свое собственное прежнее второе «Я», А.Д.П., говорить так: «Сходство между Орфеем и Иисусом я заметил только гораздо позже», это значит: спустя много времени после 1938 года. Если, следовательно, Элиаде написал драму о Железной Гвардии в 1938 году, то Орфей А.Д.П./Элиаде (еще) вовсе не был метафорой Иисуса: Следовательно, Орфей, а также Эвридика должны были обозначать что-то другое. Слова А.Д.П. звучат загадочно: «Для меня Эвридика окончательно умерла, как она никогда не умерла для Орфея, даже после того, как она осталась на всю вечность в подземном царстве мертвых. Если, тем не менее, это истолкование правильно, то это должно значить, что я тогда, зимой 1938 года, в той молодой актрисе видел олицетворение не Эвридики, а кого-то другой! Но все же, так я спрашиваю себя постоянно, кого?»

Глава 1.6.

Роман-завещание

Роман «Запретный лес» рассказывает историю амнезии – чтобы использовать выражение Элиаде, а роман «Девятнадцать роз», напротив, историю анамнеза. В первом романе автор стер из своей памяти свой легионерский опыт и, в свою очередь, все, что причитается ему (Элиаде), приписал Партению/Ионеску. В произведении «Девятнадцать роз», которое он написал за несколько лет до смерти, напротив, можно заметить однозначное возвращение его памяти: Хотя тот период из жизни Элиаде, который был связан с легионерским эпосом, облачен в «тайную» терминологию и передается «в зашифрованной форме», в романе он, все же, признает:

«Вы заметили, наверное, говорит А.Д.П. своему секретарю, «что устроенная Иеронимом постановка имеет своей целью в первую очередь окончание начатого этим летом процесса анамнеза. Все же, только один я знаю, что я справился с этим анамнезом уже давно. Я вспомнил обо всем, что произошло в ту рождественскую ночь 1938 года, мне удалось вспомнить каждую деталь».

И затем он говорит Никулине: – Во всяком случае, я знаю теперь, [...] насколько я боялся тогда, в 1938 году, и я повторяю, я боюсь снова. – Но кто же не ощущает страх на пороге освобождения? – спрашивает его Никулина.

Иероним, которого упоминает А.Д.П., это Иероним Тэнасе; он странная фигура: философ и эзотерик, окруженный молодыми учениками и «прикованный к инвалидной коляске». Свой недуг он приписывает ошибке, которую он якобы совершил в далеком прошлом: – Где-то я совершил ошибку, где-то, я не знаю где, в роли, которую я играл абсолютно безрассудно, в неправильной инсценировке, я уже не знаю этого.

Для читателя тут трудно не подумать сразу же о Юлиусе Эволе и его поперечном миелите вследствие бомбардировки союзников, а также об объяснениях таких «случайных» обстоятельств. «Есть люди, которые повсюду рассказывают, что эта не очень знаменательная ситуация, в которой я оказался, это, мол, вследствие некоего – я не знает какого – моего «прометейского» поступка». Это рассказывает нам Эвола, который, даже если мы отвергнем это описание как «чистое воображение», твердо убежден в том, что настоящая причина этой ситуации была выше «случайного» события, была «желаема в предродовой фазе...» «Если бы, впрочем», пишет он, «с помощью более высокого света могло бы или должно было появиться такое воспоминание, то это с уверенностью также повлекло бы за собой возможность, устранить даже физический факт (т.е. в этом случае паралич), если человек захотел бы». Это убеждение Эволы – то же самое, что и убеждение Иеронима Тэнасе: «Все же, если я буду исследовать причину – ведь врачи уже целый год ломают голову, и не могут эту причину найти – если я буду исследовать причину, то излечение наступит само по себе». В своих транс-идеалистических рассуждениях философ Эвола («Магический идеализм») – а также тот самый Эвола, который исследует традицию – подчеркивает, что в определенные моменты предполагаемые факты позитивистской всемирной интерпретации становятся несостоятельными, если легенда и миф приходят на их место. И Тэнасе на самом деле утверждает: «И как раз те, которые верили, что поняли его лучше всего, своим истолкованием мешают нам в том, чтобы мы осознали его послание, чтобы мы дополнили его, чтобы мы вышли за его рамки. Так как если все экзегеты сходятся также в том, что Гегель

действительно был убежден в том, что в любом историческом событии проявляется мировая душа, то всю эту идею объясняют примитивным способом, а именно: мы должны одобрять и оправдывать исторические события, конкретные манифестации мировой души даже в ее самых чудовищных, самых порочных проявлениях [...]; если они происходили, если они обнаружались в истории, то это значит, что они поддавались рациональному пониманию и поэтому оправданы или достойны оправдания».

При биографическом подходе это можно было бы истолковать следующим образом и при этом подвергнуть себя упреку, возможно, в излишне свободной интерпретации романа: Действия Тэнасе и его учеников, которые сопровождают впечатляющий анамнез А.Д.П., отражают опыт Эволы с фигурой Кодряну, а также тот интерес, который проявляется к Железной Гвардии со стороны эволианских кругов или, все же, по меньшей мере, со стороны тех, кто находится под влиянием творчества Эволы... Все это ни в коем случае не ускользнуло от внимания Элиаде и способствовало, пусть даже и не в решающей мере, осуществлению его собственного анамнеза.

(Эвола писал: «В Румынии мне представилась возможность познакомиться с Корнелиу Кодряну, вождем румынской Железной Гвардии, он – одна из самых достойных и сильнее всего духовно ориентированных личностей, которых я встречал в национальных движениях этой эпохи. В Бухаресте я также познакомился с Мирчей Элиаде, который после войны приобрел большую известность своими многочисленными произведениями об истории религий, и с которым я и сегодня поддерживаю контакт. В то время он принадлежал к кругу вокруг Кодряну. Evola, «Il cammino del cinabro».)

Речь здесь идет, подчеркнем это еще раз, только о чистой гипотезе интерпретации; но нужно признать, что эта гипотеза не принадлежит к числу вводящих в заблуждение. На самом деле в рамках подробной интерпретации романа «Девятнадцать роз» можно было бы найти несколько мотивов, которые намекают на идеологию Железной Гвардии или на связь Элиаде с учреждениями легионеров. Даже заголовок романа «Девятнадцать роз» мог быть символически связан с девятнадцатью членами «командной группы» легионеров, которые были приговорены в роковом 1938 году. Еще характернее, так как она тесно связана с символикой Легиона, роль числа «тринадцать»: «Остались еще тринадцать роз... Тринадцать, счастливое число!», воскликнул со смехом секретарь А.Д.П. Теперь известно, что число «тринадцать» символически означало Железную Гвардию и ее Капитана, как следует из легионерской инструкции, «Руководства для гнезд».

(В «Руководстве для гнезд» Кодряну под пунктом 12 был помещен список учебных вопросов, которые нужно было обсуждать на собраниях студенческих «гнезд» и «кровных братств». В списке пропущен подпункт 13. После подпункта 12 («Кто такой Адольф Гитлер?») сразу идет подпункт 14 («Кем был Ленин?»). Причина была в том, что все знали, что число «тринадцать» было оставлено для Капитана, и было связано с ним.)

Кроме того, было так, что количество членов одного «гнезда» («cuib») не могло превышать тринадцати, а также следующий пассаж Василе Постеукэ, который уже знаком нам как собеседник Элиаде, иллюстрирует значение числа «13»: «Рядом лежит тело Капитана, умноженное с тринадцатью другими телами. Мы считаем их, чтобы убедиться в том, что все там. Да. Их тринадцать. Таинственное значение числа «тринадцать» промелькнуло у меня в голове. Даже на могиле у Капитана был номер 13. Его похоронили вместе с его «тринадцатью заживо похороненными»: Nicadori и Decemviri. Он умер в возрасте 39 лет: трижды тринадцать». Корнелиу Кодряну родился 13 сентября 1899 года.

ЭКСКУРС

«Ифигения» – трагедия Мирчи Элиаде

В среду 12 февраля 1941 года, во времена романиста Ливиу Ребряну, в «Зале комедии» Национального театра в Бухаресте состоялась премьера «Ифигении», драмы в трех актах и пяти картинах, написанной Элиаде в конце осени 1939 года. Пьесу ставил режиссер Ион Шахигян (1897-1964), композитором был Николае Буиклю (1906-1974); главную роль играла Аура Бузеску. Между февралем и мартом состоялось десять спектаклей, на которых Элиаде, тем не менее, не мог присутствовать, так как зимой 1941 года он несколько месяцев провел за границей. Но известия, дошедшие до автора относительно успеха драмы, не были восторженными: «Мне говорят», пишет Элиаде в своем дневнике, «что у меня отсутствует «драматургический» нерв, что, вероятно, правда. Если у «Ифигении» и есть какая-то ценность, то ее нужно искать в другом месте».

Напечатанный на машинке текст драмы сохранился в библиотеке Национального театра и был опубликован в 1974 году Мирчей Хандокой; но впервые пьеса была напечатана еще в 1951 году в Аргентине. Изданная группой румынских беженцев, речь шла о гектографированном издании, в которое Элиаде внес легкие формальные поправки. Аргентинское издание содержало посвящение – «Памяти Хайга Актеряна [1904-1943] и Михаила Себастьяна [1907-1945]» – а

также предисловие автора, в котором говорилось: «Я с радостью, но также и с тяжелым сердцем публикую это юношеское произведение, которое в то время, когда оно писалось, очень нравилось моим друзьям Хайгу Актеряну, Михаилу Себастьяну, Константину Нойке и Эмилю Чорану. Двоих моих лучших друзей – Хайга Актеряна и Михаила Себастьяна – которых мы все любили на рассвете нашей молодости, больше нет среди нас. Им я посвящаю этот текст».

(Румынский писатель Михаил Себастьян (настоящее имя Иосиф Гехтер) известен русскоязычной аудитории, прежде всего, как автор пьесы «Безымянная звезда», по которой Михаилом Козаковым в 1978 году был снят популярный фильм. – прим. перев.)

Михаил Себастьян отсутствовал на премьере «Ифигении». «У меня было бы такое чувство, будто я принимаю участие в заседании «гнезда», писал еврейский драматург в своем дневнике. Это подозрение подкрепил телефонный звонок Нины Марес – жены Элиаде, так как она сказала Себастьяну, что пьеса очень успешна, и поэтому следует, мол, опасаться того, что власти могут ее запретить. Уже примерно двадцать дней в Румынии правила военная диктатура генерала Иона Антонеску, которая стремилась уничтожить легионерское движение. Но, в конце концов, Михаил Себастьян присутствовал на одном из спектаклей и записал в свой дневник: «Одна из самых больших неудач Национального театра». Но он также добавил: «Сама пьеса даже гораздо интереснее, чем показалось мне при чтении. А вот постановка ее, напротив, любительская, без стиля и величия».

В тот же самый день Петру Комарнеску (1905-1970) тоже доверил своему дневнику замечание о трагедии Элиаде; но оценка Комарнеску сильно отличается от оценки Себастьяна: ««Ифигения» Мирчи Элиаде», пишет он, «была исполнена в комедийном театре (Национальный театр теперь находится на реставрации после повреждений вследствие землетрясения), самая большая благодарность принадлежит Еврипиду и Расину, если не считать сон Ифигении, а также ее положения, которыми Элиаде хочет обратить внимание на Кодряну. Великолепные сценические декорации, игра способных актеров, таких как Аура Бузеску (Ифигения) и Михай Попеску (Ахилл). Они все работают с разными стилями декламации. Аура Бузеску статичная и лирическая, Михай бурный, сильный, взрывной, показательной».

Норман Маня, по оценке Генриха Бёлля, является автором, который [...] «больше, чем любой другой – больше, чем Кафка, Музиль и Шульц! – заслужил признание во всем мире»; и именно этот Маня пишет спустя полвека: «В 1982 году,

в черном году по причине правой коммунистической диктатуры [именно так!: *droitière communiste*] Чаушеску, у меня был случай присутствовать в Национальном театре Бухареста на представлении произведения Элиаде «Ифигения»; это произведение впервые было поставлено на сцене в январе 1941. Следующий черный год – это 1951, когда оно было опубликовано правой аргентинской прессой на румынском языке; издателем был некий эмигрировавший [именно так!] румын. Нельзя оспаривать, что в 1941 году напряжения вне театра, а также душевное состояние зрителей – их страхи, их отвращение, их подавленность и отчаяние – с одной стороны, и драма, с другой стороны, сливались в единство, в крайне неприятное чувство, в определенный род экзальтации ввиду «возвышенного» финала и его «величественного основания»».

(Эта курьезная оценка Бёллем еврейского инженера, эмигрировавшего из Буковины в Нью-Йорк, цитируется из предисловия к *Norman Manea, Paradiso forzato*, Милан, 1984.

Что же касается «издателя румына», то тут у Мани явно случился обман чувств. На самом деле аргентинское издание «Ифигении», было «напечатано на машинке и отредактировано Гриоге Манойлеску и Андреем Команом». О финансовом потенциале издателя сам Элиаде писал так: «Иногда приходили рабочие с ангельской душой и отдавали свою последнюю рубашку, чтобы стихи и проза наших мечтателей могли быть напечатаны. Этим человеком в Аргентине тоже был такой рабочий, Ион Мэрии, отдавший издательству «*Cartea Pribegiei*» свои сбережения за полтора года. (Ион Мэрии, первый почетный член общества румынских писателей, когда мы вернемся домой...)».)

От Юджина Вебера тоже не ускользнула связь между легионерским духом и главной темой «Ифигении» Элиаде: «В нескольких вступительных замечаниях к своей пьесе «Ифигения» (*Valle Hermoso*, 1951)», сказано у Вебера, «профессор Мирча Элиаде размышляет о том, насколько «*jertfa*», «жертва» – об этом он уже писал в своем вышедшем во время войны произведении «*Comentarii la legenda mesterului Manole*» [«Объяснения к легенде о Мастере Маноле»] (Бухарест, 1943) представляет собой архаичную точку зрения. Ифигения жертвует своей жизнью, чтобы освободить путь войску; Маноле, архитектор из древней румынской легенды, приносит в жертву свою супругу, чтобы церковь, которую он как раз строит, осталась стоять. Человеческая жертва, которую приносят, чтобы что-то вроде здания было устойчивым и пережило бы долгие времена, соответствует мистическому переходу души из смертного человеческого тела в новое здание: этим не только дают душу зданию, но и сама жертва получает новое, сияющее и более прочное тело. Для Маноле это тело было бы монастырем, ко-

торый он строит. Для Ифигении это была бы война ее отца Агамемнона, а также его победа над Азией и Троей». Но между обоими братьями и сестрами в духе Ифигении и Элиаде есть не только Мастер Маноле: есть также подпасок народной баллады «Miorița» («Миорица», по-румынски «овечка»). На это указал Мирча Хандока, который констатирует, что «все видение, все ценности и значение, которое автор присуждает мифу, принадлежат к «миорицийскому» духовному ландшафту». Хандока обращает внимание на следующие слова Ифигении: «Как падают звезды к моей свадьбе! И шепот воды, и шелест елей и стенание уединенности: Все это так, как это было сделано мне очевидным...» И действительно тема смерти как метафора свадьбы владеет последними стихами Ифигении: – Помнишь ли ты, – говорит героиня Элиаде Агамемнону, – это – вечернее бракосочетание. Теперь, в этот момент, я буду невестой... Почему все внезапно молчат, и почему больше не слышны благозвучные песни дев? [...] Почему больше не слышны свадебные песни? Почему гости не плетут венки из чудесных цветов, и почему невеста осталась в печальной дневной одежде? [...] Принесите мне фату!» Эти слова ведут себя по существу аналогично к словам подпасака из баллады «Овечка»: «Скажи им только, что я женился на прекрасной королеве, невесте мира; что к моей свадьбе с неба упала звезда». Изучение баллады о ясновидящей овечке дает Элиаде понять, что «смерть станет свадьбой», это фольклорный мотив, «архаичный, и восходящий своими корнями в доисторические времена». Этот происходящий из праистории мотив – это важная составная часть легионерской духовности: «Смерть – только легионерская смерть – это самая любимая свадьба для всех нас», сказано в написанном по этому Раду Джиром гимне движения. У другого поэта легионеров, Думитру Леонтиеша, мы находим ту же мысль в «Miorița legionaria» (по-румынски: «Легионерская Миорица»): «Я сказал моей матери [...], что я путешествую по облакам с «Nicadori» и «Decemviri», так как они тоже женихи [...]

«Два мощных мотива мистики смерти», читаем мы в статье Зева Барбу, «могли воспламенить дух легионеров. Один – это местный традиционный, которое является центральной темой в одной из самых известных румынских баллад – «Miorița» – в которой герою, находящемуся в смертельной опасности, удастся победить свой страх точно в то мгновение, в которое он сравнивает смерть с браком, при котором он сам – жених, а природа – его невеста. Часто говорили, что это, мол, «типично» румынское отношение к смерти. Еще сильнее другой мотив, мотив возрождения и победы, которой согласно христианской мифологии можно добиться только смертью».

Здесь можно было бы возразить, что ссылка на «христианскую мифологию» – это упрощение; здесь, во всяком случае, важно констатировать, что этот второй

мотив, мотив победы через преодоление смерти, появляется также в «Ифигении». Героиню не приносят в жертву тем же самым способом, как невесту Мастера Маноле, которую живой замуровывают в стену здания. «Моя душа», говорит она прямо перед жертвоприношением, «не останется запертой внутри стен дворца как окаменевшее тело. Моя душа переживет эти созданные людьми здания». Посмертная жизнь и победа Ифигении скорее предвещается во время великолепного события. При взгляде на смертный костер, который сожжет ее тело, она говорит следующие слова: «Смотри, моя могила не будет в земле! Душа Ифигении осуществит это, чтобы что-то из более высокой ценности, что-то из другого мира восторжествовало и сохранилось! Душа Ифигении пробудит к жизни большую войну и такую удаленную мечту! Ты всегда найдешь меня в своих героических действиях, в своих самых драгоценных снах, о, Троя». С этой жертвой Элиаде намекает, что «Ифигения продолжает жить в том «мистическом теле», что мечта Агамемнона – это война против Азии, захват Трои».

Юджин Вебер, как уже было сказано выше, ссылался на «Comentarii la legenda mesterului Manole» в издании 1943 года; но уже в зимнем полугодии 1936-1937 Элиаде, как ассистент профессора Нае Ионеску, сделал эту легенду темой семинара, на котором он осветил «рост значения ритуальной смерти, единственной творческой смерти». И в жертвенной смерти Моцы и Марина он увидел повторение этого «центрального мифа духовности румынского народа». Элиаде действительно пишет, что «добровольная смерть Иона Моцы и Василе Марина имеет мистическое значение: жертва для христианского мира. [...] Когда ему стало ясно, что Люцифер снова подготовился к борьбе с Христом, Ион Моца, православный крестоносец, с миром в сердце мужественно пошел вперед, чтобы пожертвовать собой для победы Спасителя». Эта принесенная жертва соответствует легионерскому пониманию жертвы: жертвоприношение гарантирует победу. Поэтому мы можем сказать, что за адаптацией Мирчей Элиаде материала Ифигении стоит функционализация греческого мифа. Или что речь здесь идет, если облечь это в слова Джеси, о «технизации мифа», что значит, об одной из тех «псевдоэпифаний», которые намеренно вызываются посредством мифа для достижения определенных целей» (в противоположность коренным образом иным эпифаниям (проявлениям), – в духе Карла Кереньи – «изначальным эпифаниям мифа, которые происходят абсолютно стихийно и без собственного интереса»). Все же Джеси, хоть и закоренелый противник Элиаде и Железной Гвардии, не мог утверждать, что версия Мирчи Элиаде мифа об Ифигении приходит к таким «псевдоэпифаниям», чтобы не противоречить самому себе; в конце концов, Джеси противопоставил друг другу «выдумки» итальянского фашизма и легионерские ритуалы, и подтвердил, что последние действительно были «настоящими ритуалами в истинном значении этого слова». С другой сто-

роны, Элиаде делает то, что как раз и невозможно, по мнению Джеси, а именно: он реактивирует миф. Что нужно понимать под этим, Хандока выражает такими словами: «Можно было бы даже говорить об автохтонизации, принятии изначальных, не современных ценностей этой древней легенды румынским автором. Мирча Элиаде возвращается к источнику мифа, к архетипу, который позднее проявляет себя во множестве художественных выражений».

Чтобы уяснить это, достаточно рассмотреть, каким отчетливым способом показано в трагедии Еврипида учение о жертве, которая вызывает победу. «Смотрите, я иду», говорит Ифигения у Еврипида, «та, которая принесет вам спасение и победу! Так направьте меня сейчас, великую разрушительницу вражеского города, фригийского города! [...] Потому что моей кровью, если она требует моей крови, моей жертвой, смою я изречения пророка».

«Послушай:

Я умру – не надо спорить, – но пускай, по крайней мере,
Будет славной смерть царевны, без веревок и без жалоб.
На меня теперь Эллада, вся великая Эллада
Жадно смотрит; в этой жертве беззащитной и бессильной
Все для них: попутный ветер и разрушенная Троя;
За глумленье над Еленой, за нечестие Париса -
В ней и кара для фригийцев, и урок для их потомства,
Чтоб не смел надменный варвар красть замужнюю гречанку.
Умирая, я спасу вас, жены Греции; в награду
Вы меня блаженной славой, о спасенные, почтите... [...]
Смоет там кровь царевны ужас пророческих слов»

(Еврипид. «Ифигения в Авлиде». Перевод Иннокентия Анненского, Еврипид. Трагедии. В 2 томах. Т. 2., «Литературные памятники», М., Наука, «Ладомир», 1999 – прим. перев.)

Итак, у Франсуа Жуана есть хорошие основания, чтобы сравнить жертву Ифигении Еврипида с «devotio» римлян; как известно, в римской религии ритуал devotio, который требовал самопожертвования от вождя, служил для того, чтобы добиться победы в бою. Римский консул Публий Деций Мус, например, который был одновременно жертвующим и жертвой, запрашивал у богов «силу и

победу» (*vim victoriamque*). Этот взгляд на самопожертвование, которое высвобождает силу и вызывает победу, звучит также у Жана Расина, у которого Ифигения говорит: «[...] Пророчества судьбы хотят, чтобы из моей смерти выросло счастье как плод. Подумайте, мой князь, подумайте об урожае славы, который вашим мужественным рукам там победа предвещает. Это обещающее славу поле, к которому стремитесь вы все, останется для вас бесплодным, если только моя кровь не оросит его. [...] Приам уж должен побледнеть; в Трое бушует волнение, мой костер пугает город, он дрожит от ваших слез».

Во всем художественном выражении «Ифигения» Элиаде – в противоположность всем другим адаптациям этого материала – вдохновлена мифом, она единственная, которая вдыхает в миф новую жизнь верным и действенным способом. Иначе и не могло быть, ведь, все же, этот румынский автор был свидетелем *devotio* всего поколения, потому что он жил в атмосфере, наполненной духом самопожертвования, и мог лично собрать те объяснения, которые свидетельствовали о духовном «ифигеническом» настроении. Стоит еще раз внимательно прочесть несколько отрывков его мемуаров: «[...] Кодряну верил в необходимость жертвы, он верил, что каждое новое преследование лишь очистит движение и сделает его сильнее. [...] Без сомнения Кодряну, как многие другие легионеры, умер в убеждении, что его жертва ускорит победу движения. [...] Пуйу Гырчиняну повторял [...], что высшей целью движения больше не было индивидуальное освобождение с помощью возможной мученической смерти, а «возрождение нации» вследствие «насыщения пытками и кровавыми жертвами». Известной банальности, что, мол, румынский народ – нерелигиозен (это единственный христианский народ, у которого нет святых, о чем нам так долго напоминали), несколько тысяч румын в период с 1938 по 1939 год – в тюрьмах и лагерях, преследуемые или свободные – дали единственную громкую отповедь [...]».

Вот такой была ситуация во время оживления мифа об Ифигении. Но если между 1939 и 1941 годами в связи с этим мифом можно было узнать «происходящую абсолютно стихийно и без собственного интереса» эпифанию, какова тогда была специфическая роль Элиаде? Автор сам дает секретный ответ, когда 16 марта 1974 года записывает в своем дневнике: «Странное совпадение: Я получил «Ифигению» [в рукописи] как раз в то время, как я пишу новеллу, персонажи которой – молодые актеры, которые еще раз проходят пьесу с заголовком «*Incognito la Buchenwald*», загадочную пьесу, материал и значение которой читатель осознает только с большим трудом; но в глазах ее персонажей, особенно Иеронима Тэнасе (художника-декоратора из моей новеллы «*Uniforme de*

general»), пьеса вызывает, прежде всего, магическо-духовное превращение аудитории».

«Incognito la Buchenwald» и «Uniforme de general» отмечают особенную фазу в эпическом творчестве Элиаде: фазу, в которой пьеса рассматривается в качестве формы откровения и духовного упражнения. Этот топос содержится также в «Adio», новелле, которая, согласно Николае Штайнхардту, является «легионерской элегией», а также в романе «Девятнадцать роз», в котором мы, как нам кажется, нашли скрытые намеки на легионерский опыт автора.

Относительно упомянутого в приведенной выше дневниковой записи Иеронима Тэнасе, того героя Элиаде, который появляется в двух его новеллах и снова в «Девятнадцати розах», нужно констатировать, что автор наделил его особенными характерными чертами (парализованный, окруженный молодыми учениками), что делает из него прообраз... Юлиуса Эвола – в романизованном преобразовании – более или менее так же, как это происходит с «Доктором Ю.Э.» в книге «Загадка доктора Хонигбергера».

Теперь Элиаде говорит, что Иероним Тэнасе стремится к «магическо-духовному превращению» слушателей; иными словами, он хочет, чтобы трагический театр вызывал очищающее благоговение. Тэнасе, который хоть и исходит из идеалистической точки зрения, однако, также защищает необходимость продвинуться вперед по ту сторону идеализма, учит тому, что каждое историческое событие нужно не только понимать, но и оправдывать, но особенным способом; его нужно понимать как символ и поэтому расшифровывать, так как каждое рутинное событие допускает символическую интерпретацию, изначально показывает символическое содержание, которое выходит за границы исторического и охватывает весь мир».

Очевидно, что персонаж Иеронима Тэнасе олицетворяет не только Юлиуса Эвола, но и самого Мирчу Элиаде, «эволианского Элиаде» 1930-х годов, и то, что говорится о духовном влиянии, которое Тэнасе хочет оказывать на публику, справедливо также по отношению к автору «Ифигении». «Магическо-духовная» власть Элиаде над публикой – это та власть, которая издавна присуща этой трагедии: Она как раз и «вызывает горе и дрожь» и приводит «тем самым к очищению (катарсису) от таких состояний возбуждения». Таким образом, трагедия, которой приписывают очищающее благоговение, включается в духовную стратегию легионеров. Тот конфликт, который Корнелиу Кодряну часто описывал словами и изображал в образах, соответствует настоящей и истинной «Великой Священной войне».

II: Перья Архангела – четыре легионерских мыслителя

Глава 2.1.

Мирча Элиаде и «духовная революция»

В начале 1989 года, когда Иоан Петру Кулиану, ученик и апостол Элиаде, все еще упрямо отрицал, что этот ученый был членом движения легионеров, и считал, что это утверждение основывается на «слухах, исходящих от плохо проинформированных людей», было опубликовано написанное автором исследование «Мирча Элиаде и Железная Гвардия», где на основе дневников и мемуаров Элиаде, автобиографических элементов, которые спрятаны в его романах, а также нескольких разбросанных и фрагментарных свидетельских показаний была изображена картина тех отношений, которые существовали между этим выдающимся историком религий и Железной Гвардией. Исследование это было написано в стремлении раскрыть правду, а не присоединиться ни к тем, кто из Иерусалима настойчиво повторяет обвинения, ни к тем, которые с помощью жалких апологий пытаются всеми силами «отмыть» Элиаде от его легионерских «грехов молодости».

С тех пор были опубликованы новые документы, которые подпирают «безошибочные приговоры и когерентным интерпретации» исследования, чтобы подхватить благосклонный приговор одного из выдающихся знатоков творчества Элиаде (Роберто Мелькионда).

Первым следует назвать свидетельство, которое автору дала лично вдова Котряну Елена в ходе встречи с нею в Бухаресте 27 сентября 1992 года: «С Элиаде я познакомилась в то время, когда он был женат на англичанке, которая умерла, когда Бухарест бомбили».

(Здесь девяностолетняя женщина ошиблась, приписав Элиаде жену-англичанку, которая на самом деле была женой Полихрониаде.)

«Я знала его, Элиаде; но если вы меня спросите, где я с ним познакомилась, у кого-то в частном порядке или в доме на улице Гутенберга [этот дом принадлежал легионерскому движению], то я этого уже не помню. Я уверена, что он встречался с Корнелиу в доме на улице Гутенберга».

Другое, столь же красноречивое свидетельство о принадлежности Элиаде к легионерскому движению дает письмо Юлиуса Эвола. Эвола около сорока лет пе-

реписывался с румынским ученым Каспаре Канницо. Эвола пишет: «Это верно, что Мирча Элиаде участвовал в Железной Гвардии, до такой степени, что я через его посредничество в 1936 в Бухаресте установил контакт с их вождем К. Кодряну: Но господин Элиаде, по понятным причинам, не любит, когда ему напоминают о его прошлом».

(На самом деле Эвола приезжал в Бухарест в марте 1938 года, а не в 1936 году. Это следует из статей, опубликованных им после встречи с Кодряну. Удивительно, что и Элиаде тоже называет неправильную дату, а именно 1937 год.)

Нае Ионеску, как уже было сказано, в 1933 году сближался с легионерским движением. В том же году произошло также и событие, которое интеллектуалы легионерского движения приветствовали как «переход Мирчи Элиаде в румынизм». Так в одной редакционной статье в журнале «Аха» (по-румынски «Ось») можно было прочесть:

«Кажется, что Мирча Элиаде, талантливый писатель, знаменитый автор эссе и достойная удивления культурная личность, движется в дорогом для нас направлении, которое отличается от его первоначального. До этой даты его журналистская карьера знала неожиданные перемены и удивительные моменты. Мирча Элиаде играл с идеями и взглядами, он накопил опыт, объехал мир, блистал везде и всюду, но [...] также отказывался окончательно закрепиться в румынской реальности. Между тем, с некоторого времени, Элиаде начал изменяться. И, ни в коей мере не желая его как-то обидеть, мы можем сказать, что после того, как он стал взрослым, он начал становиться серьезным. [...] Мирча Элиаде начинает видеть румынскую реальность, интегрироваться в ней, и подчиняться ей».

Даже если Элиаде не хотел признавать никакого «перехода», факт состоит в том, что 1933 год предоставлял несколько возможностей, которые, по существу, правильно подтверждают интерпретацию газеты «Аха». В 1933 году Элиаде написал статью о «масонском менталитете» для журнала «Vremea», в которой он, после того, как выяснил, что применение упрощающих схем и абстрактных критериев характерно для этого менталитета, обнаруживал даже в марксизме («смешении абстракции и неотесанности») масонский отпечаток. Вскоре после этого оценки Элиаде о «религиозном возрождении», хотя и не снабженные политическими рекомендациями, должны были произвести положительное впечатление на среду легионеров.

Две появившиеся в журнале «Cuvântul» статьи в конечном счете позволяли точнее определить позиции Элиаде. С одной стороны, он сообщал, что присоеди-

няется к мыслительному течению, которое исходило от Эминеску и – через Иоргу – Пэрвана и поколения «Gândirea» (журнала, издававшегося под руководством Никифора Крайника) и тянулось до Нае Ионеску, с другой стороны, он ссылаясь на важность активных действий и на народно-национальную реальность. Это подразумевало необходимость «реабилитировать» национализм и, в частности, его специфическую форму – румынизм. Чтобы разделить национализм с шовинизмом и ксенофобией, Элиаде в статье от марта 1934 года высказывался так:

«Это понятие «румынизм» было полностью дискредитировано. У кого есть еще мужество публично утверждать, что он националист? Его тут же упрекнули бы в том, что он гитлеровец, хулиган, расист, фашист, наемник, который хочет войны! [...] Нужно сказать, что румынизм не означает ни фашизм, ни шовинизм, а просто обозначает требование органического, единого, этнического и справедливого государства».

В том же самом контексте Элиаде отвергал также упрек в антисемитизме, который полемически был направлен против тех, кто осуждал непропорционально высокое присутствие еврейского элемента в политике и экономике румынского общества как несправедливое: «Я возмущен тем, что вижу двадцать восемь иностранных советников на вилле Сигету-Мармацией (в сравнении с семьей румынами), но возмущен я этим не потому, что я шовинист или антисемит, а потому что в моем сердце живет чувство социальной справедливости, пусть даже и слабое».

Тот факт, что Элиаде не был антисемитом, демонстрируется, впрочем, его позицией в деле Михаила Себастьяна, которое вызвало бурю в 1934 году. Михаил Себастьян (1907-1945), интеллектуал еврейского происхождения (для русскоязычной аудитории известен в основном как автор пьесы «Безымянная звезда» – прим. перев.), с 1931 года преследовал своего профессора философии Нае Ионеску с просьбой, чтобы тот написал предисловие к его роману «Уже две тысячи лет», что-то вроде рассуждений автора относительно его собственного положения как еврея. Наконец, Ионеску написал своему ученику предисловие, о котором тот просил. Но содержание предисловия было совершенно другой природы, чем романист ожидал от ученого, который изучал каббалу... Подходя к еврейскому вопросу в понятиях христианской теологии, Ионеску утверждал, что иудаизм и христианство – это два непримиримых мировоззрения, и поэтому вражда между евреями и христианами неизбежна. Первые неизбежно представляли угрозу для христианского миропорядка, в то время как последние не могут простить евреям их отказ увидеть мессию в Иисусе: «Иуда страдает, так как он

отверг Христа, так как он видел и не поверил. [...] Иуда страдает, потому что он Иуда».

(В своих воспоминаниях Элиаде пишет: «Я помню, как Михаил, бледный, с почти перекошенным лицом, пришел ко мне однажды во второй половине дня. – Он написал для меня предисловие, – сказал он. – Это трагедия. Это смертный приговор, – добавил он и передал мне рукопись предисловия. Я читал его с возбуждением, но также и со смущением. «Иуда страдает, потому что он Иуда», написал Нае Ионеску. И он объяснял почему: евреи отказались признать в Иисусе Христе мессию. И это страдание в истории в определенном смысле отразилось в судьбе еврейского народа, который не может быть спасен именно из-за того, что он отверг христианство».)

Вопреки всему Михаил Себастьян опубликовал предисловие Нае Ионеску, из-за которого в последующем разгорелась оживленная дискуссия, длившаяся месяцами. Элиаде вмешался в спор, сделав различие между Иудой и евреям, и спорил с тем, что, из христианской перспективы, для евреев нужно исключить любую возможность спасения: «Разве наша церковь говорит, например, что евреи не могут быть спасены на основе того факта, что они – евреи? Нет. [...] Грех Иуды был и остается грехом Иуды, но не грехом Израиля, не грехом евреев».

Элиаде считал, что только Бог может знать, какой будет судьба евреев в потустороннем мире и никакой теолог не может ничего знать о решениях Бога в этом вопросе. Нае Ионеску ошибался, когда хотел поднять еврейский вопрос на теологический уровень:

«Какой может быть смысл у «антисемитизма» на уровне Христианской теологии? Невозможность приветствия, уверенность в проклятии евреев. Но церковь ни в каком месте не говорит этого. [...] Так как никто не хочет воздействовать на свободу Бога. Бог может спасти, как он хочет, он может спасти человека, даже если он находится вне причастия христианской любви. [...] Однако христианин, христианский теолог, не может совершать греха отчаяния, не может утверждать универсальности судьбы страдания Израиля. Все, что он может сказать как христианин и как православный, состоит в том, что Божественная милость свободна спасти евреев или не спасти их».

Согласно Элиаде, к еврейскому вопросу нужно подходить на другом, не на метафизическом, а на «экономическом и моральном» уровне, в координатах позиций Михая Эминеску, Василе Конты, Богдана П. Хашдеу и всех тех интеллектуалов, которые сыграли решающую роль в национальной революции. Именно румынскими интеллектуалам румыны обязаны не только теоретической разработ-

кой ценностей и идеалов, которые повлияли на эту революцию, но и формулой решения еврейского вопроса, формулой *numerus clausus* («квота», «процентная норма» – прим. перев.). Преобладания чужого элемента, говорит Элиаде, можно избежать средствами конкуренции и применением административных мероприятий, и фанатичные и алармистские позиции действуют действительно на основе комплекса неполноценности:

«Наша «вошедшая в поговорку» терпимость – это признак силы, не от слабости. [...] Я не понимаю, почему мы кричим караул. Где тут опасность? В том факте, что слишком много представителей меньшинств сидят у рычагов власти? Мы удалим их средствами конкуренции, нашей силой и, если необходимо, посредством административных мероприятий. [...] Мы не нуждаемся ни в непримиримости, ни в нетерпимости; это чуждо нашему темпераменту».

Элиаде также жаждет определить еврейскую душу. Самой характерной ее чертой он называет не «комплекс превосходства», как думал Нае Ионеску, а комплекс неполноценности, который можно сравнить с комплексом неполноценности радикальных антисемитов: Евреи чувствуют себя как жертвы организованного против них угнетения:

«Каждый из опыта знает, насколько чувствительны настоящие евреи, как требовательны и непримиримы (в повседневной жизни эта еврейская непримиримость, такая творческая в духовных реализациях, является выражением комплекса неполноценности; поистине сильная и уверенная в себе личность не непримирима). Известно, насколько тяжело быть объективным, когда имеешь дело с интеллектуальным евреем. Он страдает при самом маленьком намеке или при выражении самого маленького сомнения. Он всегда думает, что общается с антисемитом и всегда чувствует себя под угрозой какой-то новой каверзы. Так сделана история еврейского народа, так работает защитный дух евреев. Мы должны видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Комплекс неполноценности евреев был создан, для большинства из них, историей христианского мира. [...] У евреев есть право действовать, так как это их судьба демонстрировать свое существование через самые трагические человеческие усилия. Они могут видеть в себе угнетенных, так как это помогает им выжить».

Этот тип рассмотрения еврейского вопроса, – это еще один отправной пункт, из которого раскрывается аспект особенного румынизма, который представлял Мирча Элиаде. Даже не стоит особо подчеркивать, что для него румынизм ни в коем случае не был румынским вариантом фашизма или национал-социализма. Элиаде выражает свое удивление такими интерпретациями, согласно которым

идеи румынизма якобы «были творениями Гитлера и Муссолини. Если бы, так сказать, я не знал «классиков», я был бы даже готов поверить, что высказывание «Я – румын» было бы равносильно высказыванию «Я – фашист» или «Я – национал-социалист». [...] Но я действительно никак не могу увидеть нациста в Эминеску. Или фашиста в Пэрване».

Нужно подчеркнуть интерес Элиаде к румынизму Константина Рэдулеску-Мотру, который с безразличием относился к еврейскому вопросу, что объясняет, почему националистическое поколение того времени стояло под таким слабым созвездием, до той точки, что тезисы Рэдулеску-Мотру считались в глазах теоретиков «этнократического государства» вроде Никифора Крайника только «наивным и запутанным мистифицированием румынизма».

Больше всего привлекал Элиаде к легионерскому движению, без сомнения, синтез румынизма и духовности, что с необходимостью вело к дополнению специфического румынского «мессианства». Такую же «мессианскую» в духовном смысле цель придавал легионерскому движению Корнелиу Зеля Кодряну, на что почти открыто намекает Элиаде в своей статье в декабре 1935 года:

«Один политический вождь молодежи говорил, что его цель – примирить Румынию с Богом». Это мессианская формула [...] так как «примирение Румынии с Богом» представляет собой в первую очередь революцию ценностей, ясный примат духовности, приглашение к творческому и к духовной жизни».

Возрождение румынского народа должно было происходить под знаком этого революционного румынизма, который возбудил энтузиазм молодежи и приветствует нормирующее участие таких интеллектуалов, как Нае Ионеску, который давно благосклонно относится к Железной Гвардии:

«Феномен румынского «возрождения», который я упоминал несколько лет назад, находится в полном развитии. Честь румын укрепляется все больше и больше. Спровоцированное в них спектаклем принятия конституции Румынии отвращение и отчаяние сменились революционной страстью, которая уделяет основное внимание, прежде всего, румынизму. Теперь очень много молодых людей верит в исключительную судьбу Румынии, в решающую роль, сыграть которую призван наш народ в течение будущих лет. Действительно некоторые начали говорить о румынском империализме, и профессор Нае Ионеску также присоединился здесь со своим великолепным видением и точной логикой, со страстью и ясностью выразив то, о чем молча думали так много молодых умов».

Для Элиаде румынизм ни в коем случае не может приравниваться к огульной неприязни к иностранцам, которая не в состоянии различать занимающегося ростовщичеством еврея и традиционалистского раввина, тем более, если последний честно и порядочно делает свой вклад на благо Румынии, например, в форме этнографических исследований. Здесь можно было бы назвать Моисея Гастера (1856-1939), который, даже после того, как он в 1885 году был изгнан из Румынии, продолжил в Англии свою исследовательскую деятельность как специалист по румынским народным традициям: «Замечу, между прочим, что я не знаю», пишет Элиаде, «изгнали ли между 1870 и 1916 годами из Румынии хотя бы одного еврейского банкира или арендатора земли. Зато три великих еврейских ученых были вынуждены покинуть страну: Гастер, Шэйняну, Тиктин. Затем они достигли европейской славы. В тот момент, когда мы с распростертыми руками принимали галицийских торговцев всякого рода, мы прогнали трех больших мыслителей европейского уровня».

Но помимо исключений, чужаки (и особенно евреи) образуют, согласно Элиаде, инородное тело в румынском контексте и могут оказывать деструктивное влияние на культурную идентичность нации. Однако не издавали ли крик о помощи уже большие передовые мыслители девятнадцатого столетия, прежде всего, самый известный среди них, поэт Михай Эминеску? «Его неукротимый антисемитизм и национализм сегодня возбудили бы ненависть когорты критиков и моралистов, которые в лучшем случае рассказали бы ему о заданиях румынского народа по отношению к его меньшинствам, о гуманизме и о нашем союзе с Францией и так далее. Этот великий «хулиган», этот поэт, который изверг бы хотя бы только одно единственное проклятие (против тех, кто склонны к любви к чужакам), был бы сегодня мишенью оскорблений, клеветы и наговоров».

Этот человек осознанно включается в ряд великих идейных первопроходцев; речь идет о новом носителе слова румынизма, о человеке, который провозгласил необходимость примирения Румынии с Богом: Корнелиу Кодряну. «Только Бэлческу и Элиаде-Рэдулеску говорили так», писал Элиаде в октябре 1936 года, непосредственно перед тем годом, в котором он интенсивно и восторженно в своих работах выступил на стороне Железной Гвардии.

13 января 1937 года Ион Моца и Василе Марин погибли в сражении у города Махадаонда в Испании. Это доказательство того, что для легионеров «примирение Румынии с Богом» – не пустая фраза. Элиаде, который во время семестра 1936/37 делает легенду о Мастере Маноле предметом занятия по истории религий и философии и подчеркивает «рост значения ритуальной смерти, единственной творческой смерти», видит в жертве двух румынских добровольцев в

Испанской гражданской войне возрождение «центрального мифа духовности румынского народа». Он пишет:

«Добровольная смерть Иона Моцы и Василе Марина имеет мистическое значение: жертва для христианского мира. [...] Как и его вождь и друг Корнелиу Кодряну, Ион Моца верил, что задача Молодого поколения состоит в том, чтобы примирить Румынию с Богом, превратить мертвую букву в христианскую жизнь, всеми средствами бороться с силами тьмы. Когда ему стало ясно, что Люцифер снова подготовился к борьбе с Христом, Ион Моца, православный крестоносец, с миром в сердце мужественно пошел вперед, чтобы пожертвовать собой для победы Спасителя».

12 февраля 1937 года легионеры приносят клятву перед останками Моцы и Марина в церкви Святого Ильи Горгани. По этому поводу Кодряну произносит речь, которая достигает апогея в призыве «жить в бедности» и вести «аскетический образ жизни без роскоши и благосостояния», знаменательный знак идеологии постоянной жертвы, к которой обязуется легионерская элита. Здесь Элиаде замечает:

«Нечасто происходит, что молодежное движение, которое родилось из воли делать историю, а не политику, высказывается так, как в этой клятве. [...] Значение этой исповеди огромно. Масштаб, в котором она будет соблюдаться и будет плодоносить, определит румынский потенциал духовного обновления. [...] Никогда еще румынская душа не хотела быть более трагической, более существенной и тем самым более христианской, чем сегодня. Значение революции, за которую борется Корнелиу Кодряну, настолько глубоко мистическое, что ее успех стал бы дальнейшей победой христианского духа в Европе, в большой Европе, в которой Христос не часто одерживал победу, хотя миллионы людей верили в него. Это кредо, которое так ясно представляет мысли Кодряну, показывает, как далеко легионерское движение от того, чтобы представлять простую «националистическую революцию». То, что имеет значение, это не приход к власти любой ценой, а скорее, прежде всего, и превыше всего, новый человек, человек, для которого существует духовная жизнь, для которого христианство проживается ответственным способом, это значит трагическим, аскетическим способом. [...] Если, как нам говорилось, национал-социализм опирается на расу, а фашизм на государство, тогда легионерское движение может претендовать на то, чтобы быть единственной христианской мистикой, которая может возглавить человеческие общности [...], христианской революцией, аскетической и живой духовной революцией, такой, которой никогда еще до сих пор не было в истории Европы».

Эти идеи снова были повторены в статье «Христианская революция», которую Мирча Элиаде написал для легионерской газеты «Buna Vestire» по поводу десятой годовщины основания легиона, и развиты им следующим образом:

«Ни одна из революций прошлого или настоящего не проводилась под знаком духа таким совершенным способом, как революция румынской молодежи. Ни одна из них не пыталась достичь такого специфического «возрождения» восточного христианства. Уже сотни и сотни лет казалось, что восточное христианство больше не сможет родить исторические формы. [...] И вдруг, через десять лет после крушения русского православия, [...] появляется новая революционная форма исторической жизни, опирающаяся на православие».

Из статей 1937 года нужно процитировать статью с заголовком «Слепые поводыри», уже только по той причине, что она «раздражающе» подействовала на тех, кто отрицал принадлежность Элиаде к легионерским кругам. В этой статье, которая касается темы непропорционального представительства иноплеменных меньшинств, в частности, еврейских, Элиаде говорит, что он вполне сознает, что евреи обвинят его в антисемитизме, а демократы в фашизме. Но, что касается первых, то «абсурдно» было бы ожидать, «что они будут довольствоваться тем, что являются меньшинством с правами и обязанностями, после того, как они стояли у власти и захватили так много ведущих ролей». А что касается последних, то «когда им говорят, что больше уже нельзя услышать румынский язык в горах Бучеджи, что в Марамуреше, на Буковине и в Бессарабии говорят на идиш, что румынские деревни вымирают, и лицо городов изменяется, то они думают, что мы подкуплены немцами, или заверяют нас, что они издали законы для защиты национального труда».

В декабре того же самого года газета «Buna Vestire» опросила несколько значительных личностей румынской культуры и попросила их изложить причины их веры в победу легионерского движения. В ответе Мирча Элиаде можно прочесть следующее:

«Я верю в судьбу румынской нации – поэтому я верю в победу легионерского движения. Нация, которая демонстрирует на всех уровнях реальности столь огромную созидательную силу, не может ни потерпеть поражение на полях истории, ни идти к гибельной балканской демократии и буржуазной катастрофе. [...] Может ли народ, наделенный столькими добродетелями – биологическими, культурными, умственными – исчезнуть, не выполнив историческую миссию? Я не могу верить, что румынский народ тысячу лет боролся с оружием в руках,

чтобы в конце концов исчезнуть как трус, хмельной от пустых слов и алкоголя, ослабленный нищетой и подкошенный изменой.

Кто не сомневается в участи нашего народа, не может сомневаться также в победе легионерского движения.

Я верю в эту победу, так как прежде всего я верю в победу христианского духа. Движение, возникшее и развившееся из христианской духовности, ментальная революция, в первую очередь направленная против греха и против потери достоинства, не является никаким политическим движением. Она является скорее христианской революцией. Слово «спасение» по-разному понималось и прожилось различными христианскими народами в ходе истории. Но никогда еще целая нация не испытала христианскую революцию, никогда еще Спасение не понималось как революция силы духа против греха и слабого тела. [...] Я верю в судьбу нашего народа; я верю в христианскую революцию нового человека; я верю в свободу, в Личность и в любовь. Поэтому я верю в победу легионерского движения, в достойную и сильную Румынию, в новый образ жизни, который превратит богатства румынской души в духовные ценности всемирного значения».

«Habent suafata libelli» – у книг есть их собственные судьбы... Отрывок из этой статьи был опубликован на первой странице «Buna Vestire» двумя неделями позже. Но легионерской «почетной профессии» Элиаде гораздо позже суждено было поистине международное распространение, когда в 1970-х годах израильский фантомный бюллетень «Толадот» опубликует другую часть текста, в рамках посвященного знаменитому историку религий досье, которому Альфонсо Мария Ди Нола и Фурио Джеси обеспечат большое публицити: «Может ли румынский народ отстоять свое существование в самом печальном случае [...], пожираемый нищетой и сифилисом, наводненный евреями и разложенный иностранцами? [...] Революция легионеров должна достичь наивысшей цели: освобождения народа».

Тем не менее, центральной темой в статьях Элиаде остается тема духовной революции, появления нового человека. Если политические революции содействуют приходу к власти нового политического класса, то легионерская революция создает новую аристократию, аристократию духа: «У нас есть возможность стать создателями самого важного превращения, которое когда-либо видела современная Румыния: создания новой аристократии. [...] Новый человек, который, прежде чем он обнаружил послушание, так же нашел свою собственную волю, собственную судьбу. Дисциплина и послушание придали ему новую

честь и безграничное доверие к себе самому, к своему шефу и к большей судьбе своей нации. [...] Легионерское движение снова ввело радость и педагогику борьбы с открытым лицом, честной борьбы. [...] Поощрение мужественности и боевого духа – европейская аристократическая ценность – привело к другой трансформации в душе румынского Молодого поколения. Оно сотворило сознание исторической миссии, чувство, что мы появились на свет, чтобы осуществить неповторимую в истории нации революцию. Легионер не живет сегодняшним днем. У его жизни есть более точный и более высокий смысл: христианская революция, благо румынской нации. [...] Благодаря этой новой возникающей сейчас легионерской аристократии к жизни пробудится румынское средневековье: Сознание исторической миссии, чести, мужественности, презрения и безразличия к неспособным, подлецам, болтунам».

Согласно одной информации, которую автор данного произведения не смог проверить, Элиаде на парламентских выборах в декабре 1937 года был в списке кандидатов легионерской партии «Всё для отечества» и был избран в депутаты нового парламента, который, тем не менее, как последствие триумфа легионеров был «демократически» распущен. В своих мемуарах Элиаде изобразил политическую ситуацию этого времени так:

«Политическая атмосфера медленно ухудшалась и грозила дальнейшим ухудшением. Легионерское движение, т.е. Железная Гвардия, непрерывно приобретало все большую популярность. Некоторые из моих друзей и коллег уже много лет назад присоединились к движению. Другие, вероятно, еще выжидали правильный момент, чтобы быть принятыми. Нае Ионеску – даже если он не был официальным членом – рассматривался как идеолог, что-то, что провоцировало других правых интеллектуалов и журналистов. Незадолго до парламентских выборов осенью Юлиу Маниу и Корнелиу Кодряну приняли решение о предвыборной договоренности, чтобы защититься от случаев злоупотребления властью со стороны правительства. Весьма вероятно, что эта предвыборная договоренность стала роковой для легионерского движения. Не только из-за того, что их успех на выборах превзошел все ожидания, а, прежде всего, потому, что правительство не смогло получить те 40 % голосов избирателя, с которыми оно гарантировало бы себе большинство в парламенте. Поэтому выборы были просто объявлены недействительными. Король поручил Октавиану Гоге, чтобы он сформировал правительство с Армандом Кэлинеску как министром внутренних дел, и объявил новые выборы на зиму. [...] В течение зимы предвыборная борьба велась с еще большим насилием. Позже Арманд Кэлинеску утверждал, что король Кароль по причине таких опустошительных результатов выборов предостерегал его о том, что легионерское движение снова определенно сможет объединить

вокруг себя большинство голосов избирателей. Эта оценка подтверждалась информацией, которую собирало министерство внутренних дел. Затем 11 февраля правительство Гоги тоже было отправлено в отставку и заменено новым правительством во главе с патриархом Мироном Кристей, но в действительности этим правительством руководил Арманд Кэлинеску. Так как конечной целью было уничтожение движения, многие из нас спрашивали себя, что было главной причиной для конфликта между королем Каролем и Кодряну и как могло до этого дойти. Вождь Железной Гвардии принял решение выбрать ненасильственный путь борьбы. В своем циркуляре он объявил, что правительство может пытаться и убивать, однако легионерам не следует реагировать на это. Тем не менее, когда Николае Йорга в «Неамуль Ромынеш» написал, что в легионерских кафе готовятся заговоры, то Корнелиу Кодряну ответил ему в своих циркулярах и обвинил его в том, что у него «нечестная душа». Это был тот момент, которого ждал Арманд Кэлинеску. Н. Йорга пытался возбудить дело из-за клеветы против него, и после этого Кодряну в апреле 1938 был арестован и осужден на шесть месяцев тюремного заключения. В ночь до этого все объекты недвижимости, принадлежавшие легионерам, были захвачены полицией и подвергнуты обыску; и на следующий день после этого многочисленные газеты опубликовали статьи размером в целую страницу с факсимиле писем, которые должны были доказать, что легионерское движение готовит государственный переворот. Конституция была объявлена утратившей силу, и ежедневно издавались чрезвычайные законы. Само собой разумеется, что все газеты легионеров были запрещены.

Нае Ионеску был арестован наряду с более или менее всеми руководителями Легиона. По прошествии определенного времени мне сообщили, что арестованных разместили в здании сельскохозяйственной школы вблизи Меркуря-Чук. Дошло до нового процесса против Кодряну и группы руководителей Легиона, на этот раз по обвинению в государственной измене. Теперь Корнелиу Кодряну был осужден на 10 лет тюрьмы».

Приговор Кодряну был вынесен в конце мая 1938 года. Элиаде был арестован 14 июля, точно в тот момент, когда один итальянский студент зачитывал ему страницу перевода «Девушки Майтрейи», над которым он как раз работал. Как я уже писал в работе «Мирча Элиаде и Железная Гвардия», первые признаки предстоящего ареста Элиаде заметил после ареста Нае Ионеску. «Прямо или косвенно мы, его ученики и сотрудники, все солидарно поддерживали взгляды и политические представления профессора», пишет Элиаде; потому это не стало для него особенным сюрпризом, так как из газетных сообщений об осуждениях он узнавал о вещах, которые касались также его лично, «например, об отстранении Нае Ионеску с его должности университетского доцента и вместе с

тем также об отстранении меня самого, так как я был его ассистентом». Эти новости не особо его удивили и дошли до него одновременно с сообщениями об осуждениях легионеров.

Элиаде пришлось провести шесть недель под арестом службы безопасности. Арманд Кэлинеску пытался добиться от него заявления, в котором Элиаде дистанцировался бы от Легиона, взамен на это ему вернули бы свободу. Кэлинеску даже предъявил ему готовый текст этого заявления вместе с уже поставленными подписями других; если бы его добавили к другим документам аналогичного вида, то правительство могло бы использовать его, чтобы лишить мужества и дезориентировать легионеров и их сочувствующих. Но за все время следствия Элиаде стойко отказывался «подписывать хотя бы одно из предъявленных ему писем и заявлений».

«Требовать от меня», пишет он, «который не верил в политическую судьбу нашего поколения (и не верил также в звезду Кодряну) заявления, с которым я бы дистанцировался от движения, казалось мне не только неприемлемым, но и бессмысленным. Для меня было невообразимо дистанцироваться от моего поколения во время этих ужасов, в то время как невиновных третировали и преследовали».

Из-за отказа сотрудничать Элиаде в конце августа перевели в концентрационный лагерь Меркуря-Чук. Здесь он делил камеру с одним молодым священником, с Неллу Мынзату (он же Ион Мынзату, известный музыкант тех дней и авторов многих легионерских песен), а также с Нае Ионеску, который уже прочел несколько лекций о метафизике для интернированных легионеров. В рамках этого вида легионерского обучения Элиаде попросили «сымпровизировать курс об истории религий и сделать доклад о Ганди и индийском националистическом движении».

Весьма полезно с помощью описаний этого посмертно опубликованного дневника коснуться духовной жизни в лагере и рассмотреть несколько описаний легионерской духовности. «Вечером», как пишет Элиаде, «в завершение общей молитвы триста голосов спели внушительное «С нами Бог». На самом верхнем этаже была комната, которая была выделена для «постоянной молитвы». На протяжении одного часа, как в течение дня, так и ночью, там сидел один заключенный и молился или читал Библию, прерываясь только в то мгновение, когда входил кто-то, который должен был его сменить за этим занятием. В период между тремя и пятью часами утра, естественно, нужно было особенно стараться не заснуть, и многие товарищи просили, чтобы их в списке назначили

как раз на это время. В истории современного христианства пост, молитвы и слепую веру во всевластия Бога редко были вознаграждены большей кровью. Позже, когда эта трагедия закончилась, я остался очарованным тем, что обнаружил ту же самую непреодолимую веру в немногих оставшихся в живых после этой бойни. [...] Известной банальности, что, мол, румынский народ – нерелигиозен (это единственный христианский народ, у которого нет святых, о чем нам так долго напоминали), несколько тысяч румын в период с 1938 по 1939 год – в тюрьмах и лагерях, преследуемые или свободные – дали единственную громкую отповедь».

Во время пребывания в лагере Элиаде переводил «The Fighting Angel» («Ангел-воитель») Перл Бак и писал свой роман «Свадьба на небесах». Когда у него появились признаки начинающегося туберкулеза, генерал Николае Кондеску (друг семьи) потребовал у Арманда Кэлинеску выпустить Элиаде, чтобы писатель смог подлечиться в санатории.

«Я не знаю, как удалось первому убедить последнего», пишет Элиаде, «без сомнения из-за постоянного кровавого кашля, который был у меня в течение последних восьми дней. Все-таки я пользовался привилегированным статусом, что скоро стало ясно коменданту лагеря: Среди дюжин больных туберкулезом в лагере я был единственным, о состоянии которого Бухарест постоянно «хотел быть в курсе»».

25 октября Элиаде покинул лагерь Меркуря-Чук и был переведен в санаторий Мороени, который он покинул 25 ноября; спустя короткое время, в ночь с 29 на 30 ноября, Корнелиу Кодряну был убит.

Глава 2.2.

Нае Ионеску – Сократ у легионеров

Нае Ионеску родился 16 июня 1890 года в Брэиле, с 1909 по 1913 год изучал философию в Бухарестском университете, где он, среди прочего, посещал лекции профессора Николае Йорги. После интернирования в концентрационном лагере во время Первой мировой войны в 1918 году, он вместе со своей женой, которая подарила ему двух детей, отправился в Германию; в 1919 году он защитил в Мюнхене свою диссертацию «Логистика как попытка нового обоснования математики».

Вернувшись на родину, Нае Ионеску был принят в преподавательский состав высшей школы на должность ассистента на кафедре философии, научной теории и метафизики у своего старого профессора Константина Рэдулеску-Мотру. Такие заголовки лекций первых предложенных новым доцентом курсов как «Проблема божественности», «Реальность духовной жизни», «Метафизика и религия», «Феноменология религиозного акта» в достаточной степени иллюстрируют, что Ионеску делал упор на совсем другие темы, чем было принято на филологическом факультете Бухарестского университета со свойственной ему рациональной ориентацией.

«Говорить о христианстве и христианской философии в университете, это в 1921 году было настоящей революцией», писал Мирча Элиаде. И еще точнее: «Говорить о «спасении», «святости», «православии», «ереси» на лекциях по метафизике и логике, означало отход от традиции идеализма и позитивизма. Метафизические и религиозно-философские проблемы давно были исключены из обсуждения в университете. Нае Ионеску был первым, кто в компетентной манере занялся этими темами как основным вопросом его лекций. [...] Правда, только один Нае Ионеску мог позволить себе свободу говорить о христианстве, мистике и догматике в пределах лекционного курса по метафизике. И это было потому, что он был внушающим страх логиком, кроме того, он читал также научно-теоретические лекции [...] и получил докторскую степень после защиты диссертации на математическую тему. Никто не мог поставить под сомнение его солидное научное образование. Его не могли подозревать в том, что он патетический, мистический или дилетант». Очевидно революционно настроенное на основе разрушения идеалистической и неидеалистической монополии, преподавание Нае Ионеску должно было быть включено в кильватер наиболее выделяющегося культурного потока Румынии, что побуждало Элиаде увидеть в Ионеску непосредственного преемника Иорги и наследника Пэрвана: «После пророческого чутья Николае Иорги и метафизического мышления Василе Пэрвана [...] учение Нае Ионеску выглядит скорее сократическим: не ораторское, не пророческое, оно не показывает следов внешней метафизики. Он снова приводит метафизику к ее сути: к самопознанию».

Нае Ионеску противопоставил чисто сфокусированному на общественных проблемах и морализаторскому христианству, которое распространилось в православной среде румынской столицы, «строгое, не социально направленное христианство, чисто теоцентрическое, единственной нормой которого была любовь к Богу: В сравнении с нею «любовь к ближнему» казалась только западным заблуждением». Нае Ионеску, теолог «метафизического христианства», не пощадил даже патриарха Мирона Кристю, которому в будущем довелось стать со-

общником короля Кароля II в ходе убийства Кодряну: «Он полагал, что секуляризованный, светский и протестантский менталитет руководителя румынской церкви представлял собой проникновение современного мира – который он ненавидел – в духовную жизнь церкви». Этот интерес к теологическим исследованиям достиг своего апогея в 1927-1928 годах с публикацией «Логоса: Международного журнал православного синтеза»: авторизованными представителями православного мышления были, среди прочих, Георгий Флоровский и Павел Флоренский, которые сотрудничали в двух номерах этого выходившего в Бухаресте франкоязычного журнала.

Среди газет и журналов, которым повезло сотрудничать с Нае Ионеску, были «Gândirea» (по-румынски «Мысль»), «Predania» («Традиция»), «Noua Revistă Română» («Новый румынский журнал»), «Idea Europeană» («Европейская идея») и другие, но прежде всего периодическое издание Cuvântul («Слово») стало лучшей платформой для народно-педагогической деятельности Ионеску.

Этот журнал, главным приводным двигателем которого был сам философ, был чем-то вроде официального органа королевского двора после возвращения Кароля в Румынию; Нае Ионеску едва не стал советником монарха, на которого возлагались такие надежды. Но из-за подпитываемой влиятельной королевской фавориткой еврейкой Магдой Лупеску (она же Вольф) вражды по отношению к профессору, в качестве предпочтительных советников короля устроились Феликс Видер и Эрнест Урдэряну, и в 1931-1932 годах авторитет Нае Ионеску при дворе значительно упал.

Окончательный разрыв Ионеску с придворными кругами и правительством произошёл в 1933 году. В сентябре того года Элиаде имел долгую беседу с Нае Ионеску. Теперь тот «совершенно открыто демонстрировал свою враждебность по отношению к королевской политике. В ряде статей он выступил против правительства Дуки и обратил внимание на опасность, которую повлек бы за собой роспуск Железной Гвардии. Он считал такой роспуск не только противозаконным, но и бессмысленным, так как, либо речь шла об искусственном движении, которое не укоренилось в общественной жизни Румынии, и тогда запрет был бессмысленным, так как оно все равно само бы исчезло, либо, наоборот, движение было настоящим, сильным и растущим, и тогда его никак нельзя было бы распустить решением министерства».

Во время предвыборной борьбы, когда проводимые олигархией против легионерского движения акции с бесчисленными произвольными арестами, пытками и актами насилия всякого рода приобрели действительно черты государствен-

ного террора, апогеем которого стали декрет о роспуске «группировки К.З. Кодряну» и аресте одиннадцати тысяч легионеров, Нае Ионеску предоставил свой престижный печатный орган в распоряжение передовым борцам Железной Гвардии. После запрета их собственных газет легионеры нашли «место для официального осуждения правительственных беззаконий» в «Cuvântul», а также в «Calendarul» (по-румынски «Календарь») Никифора Крайника.

После убийства 29 декабря 1933 года премьер-министра Иона Г. Дуки группой легионеров началась новая, еще более массивная волна репрессий. В рамках этих репрессий «Cuvântul» был закрыт, а профессор Нае Ионеску арестован – никакого конкретного подозрения против него не существовало – и заключен в тюрьму Джиллава около Бухареста. После его освобождения в конце выборов он отправился в трибунал, чтобы выступить как свидетель защиты; он заявил, что он как глава семьи желал бы для обоих своих сыновей Раду и Развана того воспитания, которое было обычаем в рядах движения легионеров.

Если поверить одному необязательно внушающему доверие анализу отношений между Нае Ионеску и Железной Гвардией (Джордже Иваску «Ужасающая идеология») – кстати, анализа, который претендует на «научность» – профессор установил контакт «с политической элитой легионеров», чтобы полностью поставить их на службу «румынской экономической элите» и «фашистским нациям». Согласно этой теории, Нае Ионеску должен был «очень быстро стать невидимым руководителем Железной Гвардии, а также ее «серым кардиналом»». С другой стороны, однако, Нае Ионеску якобы и сам был предрасположен к этому контакту «на основе его собственных убеждений. Его открыто антидемократические позиции, выраженные в его статьях «Английский индивидуализм» и «Декарт, отец современной демократии», а также на возглавляемой им конференции о синдикализме, делали из него левого в социальной политике и радикально правого реакционера в политической технике. [...] Чувствительный к даже почти неуловимым изменениям мировых ориентаций, антилиберальный, так как ему казалось, что существенная функция либералов существовала в том, [...] чтобы причинять вред естественному развитию нации, Нае Ионеску желал того, кто смог бы дать ответ его ожиданию революции, революции, которая должна была быть ничем иным, как манифестацией вечной румынской идентичности». Православный теолог верил, «что если король неспособен, то Бог из лона народа изберет Капитана», и ссылаясь при этом на места из Священного писания. Это уже произошло с Михаем Витязулом, с Хорей, с Тудором Владимиреску, с Аврамом Янку. Теперь это происходило с Корнелиу Кодряну.

В появившейся в 1940 году в Германии статье, которая была позже перепечатана в легионерской газете, можно было прочесть о 1933 годе, как о годе, когда «теория и практика Легиона сливались в прочный синтез в личностях К.З. Кодряну и Нае Ионеску». Вхождение Нае Ионеску в мир легионеров подразумевало со стороны философа истинно воинственную активность, что затем также обнаружилось в серии конференций по всей Румынии. Непосредственные следствия были таковы: в движение хлынуло множество новых членов из среды студентов, профессоров и людей свободных профессий, но его уважаемый наставник приобрел также многочисленных врагов: «Враги у него были не только среди левых политиков и журналистов, а, прежде всего, среди правых».

Интеллектуалы легионерского движения оставались с Ионеску в постоянном контакте. «Они непрерывно посещали его, они просили его о темах рефлексии и борьбы. И так как в Легионе ничего не делалось без согласия вождя, то можно сделать вывод, что вождь соглашался с этими контактами».

Завоеванный среди легионеров авторитет Ионеску и доверие, которым он пользовался у них, выражались в том, что у него было «важное влияние на многих легионеров при многочисленных акциях, и это как в рамках движения, так и вне его». Когда, например, Ион Моца в ноябре 1936 года отправился на Испанскую гражданскую войну, он передал Ионеску несколько писем, которые содержали его духовное завещание. И снова именно Ионеску в 1937 году написал предисловие «Crez de generatie» (по-румынски «Кредо поколения»), к собранию писем Василе Марина, которые были опубликованы после того, как он погиб вместе с Ионой Моцей под Махадаондой. Василе Марин был главным редактором «Cuvântul» с осени 1933 года, когда газета Ионеску «судьбоносным образом сблизилась с движением легионеров, так как считали себя вынужденными больше не выражать мировоззренческие позиции в духе размышляющей историко-философской науки, а в формах борьбы». Ионеску из смерти своего сотрудника выбрал, этому учит нас предисловие «Кредо поколения», небесное предупреждение: «Бог хотел наказать нас». Кроваво-красные тучи уже появлялись на горизонте...

В том же году Мирча Элиаде опубликовал в издательстве «Cultura Nationala» антологию статей Ионеску, большинство которых появились между 1926 и 1933 годами в «Cuvântul». Это произведение – которое вышло под выбранным автором заголовком «Roza vânturilor» (по-румынски «Роза ветров») – позволяет получить подобающее представление о мышлении Ионеску, которое разворачивается здесь на нескольких уровнях. Роберто Скандьо обобщил это содержание органическим и синтезирующим способом:

«На религиозном уровне онтологическое метафизическое видение православного христианства противоположно модернистским теологическим попыткам, которые стремятся умалить значение опасности проникновения протестантских или католических идей, и традиция (predania) возвышена как «органический» рост христианского учения в лоне «Comunitate de iubire a bisercii» («Общность церковной любви»).

На философском уровне можно установить сближение с течениями жизненной философии – укорененных, тем не менее, в традиции христианско-православного мистицизма – и экзистенциализма, которые, однако, были сформированы существенно по-новому и иначе, чем в западном рационалистическом течении, в котором Ионеску обнаружил отрицательные, на его взгляд, аспекты позитивизма, сциентизма и субъективистского индивидуализма как существенные структурные элементы структуры (которые – мы позволим себе сказать – определяют философский облик протестантства).

На политическом уровне показана утопическая перспектива румынского agrarianism [крестьянского движения, ориентации на свободных крестьян] и autarhism [автаркизма], третьего пути между марксистским социалистическим коллективизмом и буржуазным, промышленным и финансовым капитализмом, т.е. исполнения радикальной политической реформы, на проведение которой рассчитывал Ионеску при победе на выборах Национал-царанистской партии Юлиу Маниу в ноябре 1928 года (что ему тотчас же пришлось пересмотреть).

В теоретическом оправдании этой политической перспективы Ионеску вступает на новые пути по ту сторону органической и контрактуалистической [договорно-теоретической] общественной концепции; по ту сторону [дихотомии] «культуры» и «цивилизации»; по ту сторону развития естественных фактов и наложения искусственных и абстрактных учреждений [показывает понятийный аппарат Ионеску со стороны] разных традиционалистских и автохтонистских течений – будь это в богатом аспектами определении «национального своеобразия» (или христианского или языческого) – и [влияния со стороны] философии Фердинанда Тённиса (1855-1936) (например «Общность и общество», 1887) и Освальда Шпенглера (1880-1936) («Закат Европы», 1918-22).

На политически-культурном уровне Нае Ионеску ставит в центр внимания проблему национальной специфики, опираясь на автохтонизм «Samanatorul» Николае Йорги, духовное движение, которое пропагандировалось журналом «Европейская идея» (1919) (лучшие последующие издания: «Gândirea» и «Cuvântul»).

Провозглашение *primatul spiritualului* [по-румынски: «примат духовности»] проявляется в идентификации «*neamul românesc cu ortodoxia*» [по-румынски «румынской нации с православием»].

«*Cuvântul*» смог снова выходить в январе 1938 года. Мирча Элиаде отвечал за культурную страницу газеты. Он сам еженедельно редактировал две или три статьи и просил некоторых из его старых учеников писать для нее статьи.

Но тремя месяцами позже выход новой серии газеты Ионеску был прекращен, так как учрежденная королем и Армандом Кэлинеску диктатура начала новое крупномасштабное преследование Железной Гвардии – единственного оппозиционного движения. Нае Ионеску вместе с другими руководителям легионеров был арестован в ночь с 16 на 17 апреля, и вместе с ними оказался в заключении вблизи города Меркуря-Чук, в превращенной в тюрьму старой сельскохозяйственной школе, «самой жесткой, самой коварной, которую только могло придумать правосудие».

(В представлении тех, кто выжил, этот лагерь должен был поставить легионеров на колени, окончательно сломать, это значит, как пишет Раду Джир: «психологически растереть в порошок, и он должен был стать центром подготовки для процессов, которые готовились вне его. За семь месяцев, которые мы провели в Чуке, все мы, без исключения, были никем иным, как подопытными кроликами для садистских экспериментов Арманда Кэлинеску».)

Лишенный свободы, «подчиненный существенно более строгому тюремному режиму, чем даже осужденные на пожизненную каторгу», страдающий от тяжелого сердечного заболевания, и сильно страдавший от того, что его оторвали от его профессиональной работы, профессор Нае Ионеску подавал живой пример чести и душевной силы в Меркуря-Чук. Об этом свидетельствуют все те, которые видели его в заключении. «Нае Ионеску всегда оставался самим собой: оптимистичный, блестящий, такой же, как на кафедре или в его бюро в редакции «*Cuvântul*». [...] Нае Ионеску [...] брился каждое утро, всегда носил чистую рубашку и свой легендарный галстук-бабочку. [...] Он объявил, что он и в лагере будет одеваться и вести себя так же, как в королевском дворце, на улице и в университете, до тех пор, пока это будет позволено ему». Это пишет Элиаде, и он добавляет: «Я не помню, чтобы хоть когда-нибудь видел его печальным, подавленным или утратившим мужество».

И по словам других, начиная с поэта Раду Джир: «Нае Ионеску подчинил лагерь своей власти своей чрезвычайной силой мысли, с которой он обычно рассматривал события, честью и благородством своей души, что он доказал, стойко

переноса свою болезнь и постоянные придирки преследователей и всей страшной строгости лагеря»

Вирджиль Ионеску: «Откровением лагеря был и остался Нае Ионеску. Давно мой старый друг вышел за рамки истинной позиции легионера. Мы все были поражены его стилем и душевной силой, с которой он переносил заключение; он понимал нас, интегрировавшись в нашу жизнь, даже если он не был легионером, а только хорошим другом. Теперь, он как будто бы стал одним из самых подлинных легионеров, он приобрел глубокое уважение каждого из нас. В общей спальне, на дворе, всюду он был окружен легионерами, которые хотели слушать его образную и мудрую речь, особенно при анализе политических моментов».

Хория Сима: «В концентрационном лагере его поведение было безупречным. Он не теряет духовного равновесия ни на минуту. [...] Он, как и многие другие, мог бы избежать продления своего ареста, с помощью ходатайства при дворце, оппортунистского высказывания или сдержанного поведения в лагере, тем более, что состояние его здоровья было не лучшим. Но он, наоборот, предпочел разделить судьбу других. Он не только не отказался от своих взглядов, он скорее стал центром сопротивления в концентрационном лагере».

Благодаря Нае Ионеску лагерь Меркуря-Чук превратился в «университет для легионеров». Профессор провел ряд конференций (что позже также будут делать Михаил Полихрониаде и Мирча Элиаде), темы которых простирались от метафизики до «феномена легионеров». Надзиратели реагировали на это невероятно жесткими репрессиями; Арманд Кэлинеску лично вмешался, чтобы запустить изолирующий механизм специально для профессора.

Из того времени изоляции происходит эссе Нае Ионеску о Макиавелли, «написанное на тонкой туалетной бумаге, но с той же самой эстетической тщательностью превосходной каллиграфии, которая напоминает о китайском тексте». Мирча Вулкэнеску, которому посчастливилось познакомиться с этой до сегодняшнего дня неопубликованной рукописью, рассказывал, что интеллектуальное паломничество Ионеску в поисках исторического «Государя» неизбежно стимулирует читателя к попытке, аналогичной попытке автора, который, после того, как он ранее возлагал свои надежды на короля Кароля II, а позже на Юлиу Маниу, теперь считал, что нашел в Капитане Железной Гвардии предопределенного Румынии человека.

Вследствие убийства Корнелиу Кодряну в ночь с 29 на 30 ноября 1938 года Ионеску вместе с группой легионеров был выпущен из тюрьмы. Но так как пре-

бывание в лагере не сломало его, и он по-прежнему демонстрировал свое оппозиционное отношение к диктатуре, 13 января 1939 года его снова отправили в Меркуря-Чук. Отпущенный во второй раз, он был вновь арестован 9 марта; на этот раз, тем не менее, ввиду плохого состояния здоровья его содержали в военном госпитале в Брашове, где он оставался до 24 июня. В рамках волны репрессий, которая пронеслась по стране после убийства Кэлинеску (21 сентября 1939), Нае Ионеску был арестован в четвертый раз и заключен в тюрьму.

Следующей зимой он вернулся на свою виллу в Бэнясе. Там профессору, как вспоминает Элиаде, было позволено «каждую неделю принимать группу молодых философов и учеников: Мирча Вулкэнеску, Михаил Себастьян, Иоан Геря, Константин Нойка и другие принадлежали к их числу. Излишне подчеркивать интерес, разнообразие и страстность дискуссий».

15 марта 1940 года Нае Ионеску умер в результате сердечного приступа. Упрямо держался слух, согласно которому он был отравлен по поручению «дворца»: Олигархия боялась его как непреклонного критика, как раз во время актуального государственного кризиса, так как «с контактами, которые были у него в Германской империи, и с тем большим уважением, которым он пользовался в собственной стране, он был призван получить важную роль».

(Элиаде писал в своих мемуарах, что ходили разные слухи: он вне опасности, он умирает, его отравили во время трапезы с друзьями в кафе. Хория Сима выдвигал другую версию и писал, что «из Румынии нам сообщили, что смерть профессора не была естественной, и что кто-то из его окружения передал ему, у которого было больное сердце, неподходящее лекарство, что и было причиной его смерти. Человек, которого подозревали в том, что он ускорил смерть профессора, был связан с королевским двором, камарилья действительно подстрекала его к этому поступку и передала ему за это большую сумму денег.)

Огромное количество людей присутствовало на похоронах Нае Ионеску: «Университетские профессора, директора министерств и культурных институтов, журналисты, студенты, буржуа и люди из народа, настоящими толпами пробились к гробу, чтобы увидеть его в последний раз». Надгробную речь произнес Мирча Элиаде, который был также одним из тех, кто нес гроб во время процессии от церкви к кладбищу.

Глава 2.3.

Эмиль Мишель Чоран – попутчик при путешествии в мир грез

«Железная Гвардия, к которой я, впрочем, не принадлежал, была очень своеобразным феноменом. Собственно, ее вождь, Кодряну, был славянином, больше тип украинского гетмана. Гвардейцы-убийцы были в большинстве своем лишенными корней македонцами; вообще, прежде всего, в ней выражалась периферия Румынии. Как о раке говорят, что он не болезнь, а комплекс болезней, так и Железная Гвардия была комплексом движений и больше еретической сектой, чем партией. В ней меньше говорили о национальном пробуждении, чем о великолепии смерти. Румыны преимущественно настроены скептически, и мало что ожидают от судьбы. Потому интеллектуалы, в общем, презирали Гвардию, но психологически дело обстояло иначе. В этом глубоко фаталистическом народе был такой своеобразный вид безумия. И интеллектуалы, о которых я говорил, которые скучали и опускались со своими дипломами в деревнях, они, естественно, охотно пошли туда.

Железная Гвардия считалась чем-то вроде панацеи от любого зла, также от скуки, и даже от триппера».

Эмиль Чоран

В форме этой фантазмагорической лавины запоздавших оскорблений Чоран в начале 1970-х годов отрицал свое собственное прошлое, точно в то время, когда Сьюзен Зонтаг протезировала его на североамериканском рынке.

(Сьюзен Зонтаг (1933-2004), американская писательница и режиссер, еврейка, феминистка, лесбиянка. – прим. перев.)

Если также и верно, что Чоран никогда не был членом Железной Гвардии в формальном и административном смысле, то, все же, так же верно и то, что он «интенсивно жил феноменом легионеров», как это утверждают оставшиеся в живых ветераны Легиона. Один из них, Фауст Брэдеску, в одном тексте вспоминал о деятельности парижского «легионерского гарнизона» во время Второй мировой войны; Брэдеску пишет, что политические дискуссии пятидесяти проживавших в Париже легионерских борцов были в восторге от «интеллектуальной серьезности и силы воздействия Эмиля Чорана», который говорил о «личности Кодряну, о еврейской опасности в нашем отечестве и в мире, о необходимости наказания тех, кто разорил румынскую нацию, о важности легионерской революции в политической жизни».

Для всех его слушателей в парижской общине легионеров Эмиль Чоран был «кем-то вроде уважаемого гуру, которого легионеры не осмеливались атаковать вопросами». Когда в Париже разнеслась весть о легионерской революции и отречении короля Кароля II, то сотня в столовой православной церкви дала волю своей радости. Что касалось Чорана, то он вынес портрет монарха из столовой и «собственноручно сжег его, громко ругая при этом послушного евреям короля, палача Железной Гвардии, убийцу Капитана».

Далее из свидетельства Фауста Брэдеску можно узнать, что именно Чоран написал «Lettre-Préface» – «письмо-предисловие» – для статьи «Codreanu et la Garde de Fer» («Кодряну и Железная Гвардия») Поля Гиро.

И на самом деле этот французский автор обратился к парижскому «гарнизону», чтобы получить «подробные объяснения по различным темам, которых он хотел коснуться в своей книге, а также предисловие со стороны парижских легионеров». Это двойное задание, вспоминает Фауст Брэдеску, «было доверено тому из нас, кто располагал талантом, авторитетом и способностью, чтобы выполнить его наилучшим образом: Эмилю Чорану». Как раз в этом, датированном 30 ноября 1940 года – годовщиной убийства Кодряну, подписанном «легионерами Парижа» составленном на отличном французском языке письме-предисловии сообщается, что Железная Гвардия была жертвой «столь же изощренной, сколь и злой пропаганды» и «бесстыдной кампании лжи, которая содержала все, что только могла выдумать международная масонская и ожидавленная клика». Гвардия здесь определяется как «школа духовного и морального воспитания, школа жертвы, страдания и бедности, инициация в любовь к ближнему и героическое принятие смерти».

Открыто пролегионерская позиция Чорана в эти годы становится очевидной в письме, которое он 13 декабря 1937 года написал Мирча Элиаде, который, как кажется, был кандидатом в предвыборных списках легионерской партии «Всё для отечества», от которой он даже был бы избран, но, естественно, не смог заседать в парламенте, так как этот парламент так и не был созван. Затем Чоран указал здесь на то, что он выписывал «Cuvântul», «подозрительную газету, так как она возражала против роспуска Железной Гвардии», и предлагал ей свое сотрудничество. Так же он подтвердил Элиаде свою радикальную антипатию к демократии: «Каждый жест для разрушения демократии в Румынии – это акт творения». И он видел в Железной Гвардии, которой предстояло выйти победительницей на скоро предстоящих и позже аннулированных олигархией выборах, единственную возможную альтернативу существующей политической системе: «Как никогда я убежден, что она [легионерская революция] – это по-

следняя возможность Румынии», писал Чоран. В своем письме он, которому тогда было 26 лет, сделал сравнение между французской и румынской молодежью, в котором он признал румын «интереснее», так как «молодые французские националисты [...] это кузисты». За единственным исключением партии Дорио, того «самого лучшего среди всех тех националистов, которые одарены руководящими способностями» – французский национализм все еще оставался, по мнению Чорана, на тех позициях, которые румыны уже давно оставили за спиной, с тех пор как легионерское эмансипировалось от старика А.К. Кузы (1857-1947) эмансипировал, который едва ли был готов к тому, чтобы принять динамику Молодого поколения.

В начале карьеры Эмиля Чоранса мы еще видим его тесную опору на мышление его учителя Нае Ионеску: Чоран, родившийся в 1911 году в Штедтердорфе (порумынски Рэшинари) близ города Германштадт (порумынски Сибиу), «разрабатывает идеи мастера [Ионеску] в серии эфирных философских эссе, направление которых проходит параллельно к направлению работ Мирча Элиаде, которые являются, однако, по интонации более восторженными и в своей афористической форме напоминают Кьеркегора». Действительно источники творчества Эмиля Чорана лежат в «типично румынском и христианско-экзистенциалистском и пророческом» мышлении, самым важным представителем которого был Нае Ионеску. Не меньше оно подпитывается мыслями, исходящими от Ницше и Шпенглера, Шелера и Кейзерлинга, в таком объеме, что Хория Сима мог написать: «Чоран на основе своего очарования философией Ницше начал идти своим собственным внутренним путем. [...] Когда легионерское движение мощно утверждалось в Румынии, он присоединился к ницшеанству в христианском проявлении этого движения».

Не ставя под сомнение все то, что было сказано выше о пролегионерских симпатиях Чорана, теперь, однако, нужно пояснить, в каких пределах существовала его симпатия к доктрине легионерского движения; нужно указать, до какого момента существовало совпадение между представлениями этого мыслителя и взглядами движения.

Никак нельзя сказать, что философская ориентация в его «первой и единственной политически-социальной книге, в которой узнаваема воинственная тенденция» («Schimbarea la fată a României» («Преображение Румынии», 1937)), совершенно совпадает с ориентацией Железной Гвардии. Несомненно, можно найти определенное и центральное отклонение демократической системы, отклонение, которое разделяли Чоран и Кодряну, в этой «приятно страстной, характерной для молодежи новой Румынии «Речи к румынской нации»», где «Ге-

гель образует исходный пункт, но преобладает язык Нае Ионеску». На самом деле для Капитана Железной Гвардии речь шла о том, «чтобы положить конец основанному на лжеучениях Французской революции демократическому государству» и «бесплодным и дорого обходящимся дискуссиям демократического парламентаризма», так как из него «ни разу не вышло что-то рациональное и особенно героическое решение в трудные часы смотреть в лицо опасностям». Сам Чоран не делал в 1930-е годы тайну из своего восхищения двумя великими современными ему политическими порядками, которые олицетворяли альтернативу парламентской демократии. Он писал:

«Румыния должна многому научиться у России. У меня есть впечатление, что если бы я не занялся, по крайней мере, немного Русской революцией и русским нигилизмом прошлого столетия, то пал бы жертвой всех несчастий национализма в духе Доде и Мораса». А дальше Чоран пишет:

«Гитлеризм представляется мне учением, которое нужно принимать всерьез, так как он наглядно показывает возможность объединить вопрос социальной справедливости со знанием исторической миссии нации. Что касается большевизма, то он представляет [в качестве реально-существующего социализма], без сомнения, неповторимое в мировой истории варварство; тем не менее, он по причине своей безусловной защиты социальной справедливости, также является этическим маяком. Не может быть национальной революции, которая основывается на поддержке массы, если сохраняются социальные различия».

Когда он в 1957 году обращается к одному «далекому другу», некоему оставшемуся в Румынии интеллектуалу Молодого поколения, Чоран напоминает ему о том времени, когда «им обоим претило колдовство демократии» и возвращается к своему собственному осуждению парламентского режима: «Я рассматривал парламентскую форму правления в качестве стыда нашего рода, как символ малокровного человечества, которое больше не обладало ни страстями, ни убеждениями, и было неспособным к абсолютному, лишенным будущего, ограниченным во всем. [...]».

(«Далеким другом» был Константин Нойка, которого в коммунистической Румынии приговорили к двадцатипятилетней каторге за то, что он на своих публичных чтениях цитировал труды Чорана и Элиаде.)

Далее у Чорана говорится: «Напротив, системы, которые хотели упразднить ее [парламентскую форму правления], чтобы занять ее место, все без исключения представлялись мне прекрасными, в соответствии с движением жизни, которая была тогда моим божеством». В действительности, демократия также спустя де-

сятилетия после публикации «Преображения Румынии» в 1937 году, как Чоран уже тогда критиковал ее, оказалась неспособна породить какой-либо миф, а вместо этого создавала только банальные посредственности и пустые абстракции: «Румынская демократия даже не была в состоянии создать гражданское сознание. Нельзя воодушевить народ пустыми абстракциями и пошлостями. Румыния нуждается в воодушевлении вплоть до фанатизма. Фанатичная Румыния – это преобразенная Румыния. Фанатизм Румынии – это преобразование Румынии».

Посвященные еврейскому вопросу страницы «Преображения Румынии» по сути тоже напоминают позиции легионерского движения. Цитируем здесь несколько отрывков:

«Массивное проникновение евреев в последние десятилетия румынского становления сделало антисемитизм существенной характерной чертой нашего национализма. Если в других местах это и может быть непонятно, то у нас в Румынии на это есть определенное право, которое, тем не менее, не следует преувеличивать. [...] Национальный организм всегда подвергается испытанию в конфликте с евреями, особенно тогда, когда они ввиду своей высокой численности и последовательных усилий по проникновению «пронизывают» какой-то народ. Но [практический] антисемитизм не решает ни национальных, ни общественных проблем государства. Он представляет собой акт очищения, не больше. Помимо этого, то, от чего народ страдает, остается. Ограниченное направление удара румынского национализма обязано тому факту, что он развился из одного лишь антисемитизма. Тем самым маргинальная проблема этой нации стала источником [национального] движения и видения».

И дальше:

«Каждый раз, когда народ начинает осознавать самого себя, он глупым образом оказывается в конфликте с евреями. Латентный конфликт, который всегда существует между евреями и народом, становится вирулентным в тот решающий исторический момент, на решающем распутье, когда необходимо поместить евреев по ту сторону сферы нации. Однако, сверх того, имеются такие исторические моменты, которые делают из евреев фатальный вид предателя. [...] Так как они нигде не чувствуют себя дома, то лишение собственных корней для них не является тем понятием, которое для других обладает трагическими измерениями. Евреи – это единственный народ, который не чувствует себя связанным с ландшафтом. Не существует угла на земле, который придаст бы форму их душе; по этой причине они всегда те же самые, в каждой стране или на каждом

континенте. Космическая чувствительность чужда им. [...] В любом аспекте евреи неповторимы; они не равняются никому на свете, склонившись, как они, под проклятием, автор которого – исключительно один лишь Бог. Будь я евреем, я покончил бы с собой в этот момент».

Очень примечательно – и также в этом отношении Чоран совпадает с доктриной легионеров, что эта позиция ни в коем случае не служила тому, чтобы оправдать институционализацию освобожденного от еврейского влияния и еврейской конкуренции «национального капитализма». Чоран определенно подчеркивает:

«В чем румынские капиталисты лучше еврейских капиталистов? То же самое зверство как у одних, так и у других. Я не пропагандирую национальную революцию, которая уничтожила бы всех еврейских капиталистов и пощадила бы всех румынских капиталистов, и я также не думаю, что это вообще возможно. Национальная революция, которая захотела бы спасти румынских капиталистов, представляется мне чем-то ужасным».

Так же высказывается и сам Кодряну:

«Но так же мало мы можем допустить, чтобы под защитой национальных лозунгов властолюбивый и эксплуататорский слой притеснял рабочий класс, выжимал из него все соки и беспрерывно работал бы с лозунгами: об отечестве – которое они не любят, о Боге – в которого они не верят, о церкви, которую они никогда не посещают».

Тем не менее, вопреки этим совпадениям с легионерской доктриной витализм Чорана очерчивает себя в нескольких позициях, которые можно назвать футуристическими и модернистскими, и которые без какого-либо сомнения гораздо меньше ладят с традиционализмом и религиозностью легионеров – источникам, из которых по существу питалось легионерское движение.

В «Преобразовании Румынии» видно что-то вроде антивизантийской фобии, отрицающей румынскую духовность, у которой, все же, те же самые корни:

«Большой раной России и так же Румынии является византийская традиция, дыхание византийской духовности, которое, внедренное в чужую культуру, закрепилось в ней и свернулось в абстрактный схематизм, одновременно приводя на политическом и социальном уровне к систематической реакционности. [...] И если задуматься о том, что Румыния на протяжении веков жила под проклятием византийского духа!»

(Эта антивизантийская позиция проявляется и в других местах этой же книги. «Вся византийская культура – это ничто иное, как темная туча, закрывшая от нас свет, мрачный жалостливый плач нашего горя. [...] Я умер бы от печали, если бы из-за какого-то извращения судьбы византийская культура в будущем возродилась в Румынии. Один единственный крик Французской революции для нас это бесконечно больший стимул, чем все то, что может объединить в себе византийская духовность. Потому что, если мы ничему не научимся из безграничного воодушевления великих наций, тогда нам не останется ничего иного, кроме как похоронить наш дух между стен, прокуренных ладаном церковей, и со всхлипами цепляться за мощи этих идиотских святых, которые составляли компанию нашему народу во время нашего пребывания в пустыне истории».)

Можно было бы предположить, что Чоран отказывается от византийского компонента румынской культуры в пользу, например, Рима. Но совсем наоборот, его приговор о римской цивилизации оказывается таким же категорически отрицательным, вопреки его в иных вопросах столь остро судящему разуму. «О римлянах», действительно пишет Чоран, «можно сказать, что они образовали большую нацию; но мы далеки от того, чтобы назвать римский мир великой культурой. Нация, которая дала миру только правовое сознание, методы колонизации и методы историографии, остается на одной из низких среди многих степеней развития духа, на которые тот может взбираться». Это отношение Чорана противоречит уважению легионеров к Древнему Риму.

С антипатией Чорана к Византии – и, что логически следует из этого, к османскому наследию византийской культуры – соотносится его поистине суеверное понимание «истории» как следствия городского динамизма, урбанизации, тотальной индустриализации. Также в этом отношении проявляются его различия с позициями Железной Гвардии, которая хотела суметь сохранить – не отказываясь от представления умеренно индустриализованной Румынии будущего – принципиальный крестьянско-сельский характер страны.

Легионеры никогда не ставили под сомнение большое значение деревни как жизненно важной ячейки национального коммунитарного организма, в то время как Чоран однозначно выступает за город и бичует защитников сельской жизни и деревенской культуры резкими словами:

«Нашими бедами», утверждает он, «мы обязаны условиям жизни крестьянского слоя. Его медленный ритм жизни был бы благодеянием, если бы не было быстрого развития ведущих индустриальных государств. На одной стороне деревня, на другой город. Восхищение деревней – это общий знаменатель наших интел-

лектуалов во все времена, это их недостающая дальновидность. Ибо если бы эти интеллигенты располагали хотя бы минимумом политического чутья, то они поняли бы, что деревня ни в коем случае не представляет собой динамичную функцию, а наоборот является преградой на пути к великой державе. Деревня – это инфраструктура и биологическая основа нации; но это не ее двигатель и несущий элемент. Один проведенный в современном городе год более наполнен и более деятелен, чем одно столетие в жизни деревни. И это не только из-за большого количества жителей, но и потому, что город пульсирует, и это захватывает жизненный пульс отдельного человека и ускоряет его. Город и индустриализация должны стать двумя одержимостями для растущего народа».

Из этого краткого обзора отдельных граней «политического» Чорана можно сделать вывод, что утверждение Брэдеску, согласно которому называемый также «Карпатским Ницше» Чоран «интенсивно жил феноменом легионеров», абсолютно правильно. Однако этому познанию противостоит высказывание Чорана, что он якобы никогда не был членом Железной Гвардии. Нужно констатировать в заключение, что Чоран был одним из многочисленных румынских интеллектуалов, которые соблюдали определенную дистанцию к легионерскому движению и не присоединялись к нему формально, но были связаны с ним в духовном плане и положительно относились к движению.

Глава 2.4.

Константин Нойка – неизвестная сила

«У меня нет биографии. У меня есть только книги».

Константин Нойка

В 1909 году – двумя годами раньше, чем Эмиль Чоран и двумя годами позже, чем Мирча Элиаде – Константину Нойка родился в Витэнешти/жудец (уезд) Телеорман. После гимназии он изучал литературу и философию в Бухарестском университете, где он – после своей первой публикации в журнале «*Vlăstarul*» – получил свой диплом в 1931 году, написав дипломную работу о проблеме «вещи в себе» у Канта.

После военной службы он в 1932-1934 годах был библиотекарем на семинаре по истории философии.

В 1934 году за свою первую публикацию «Матезис или простые радости» он получил писательскую премию королевского фонда «Regele Carol II» в Бухаресте; вместе с ним премии были удостоены еще два дебютанта: Эмиль Чоран, автор «На вершинах отчаяния», и Эуджен Ионеско, автор «Нет!».

С 1932 по 1934 годы Нойка был членом группы «Criterion»; вместе с Элиаде, Вулкэнеску и Комарнеску он принадлежал к основателям «Журнала об искусствах, литературе и философии», пять номеров которого вышли в феврале 1935 года. В 1936 году Нойка опубликовал книгу «Открытые концепции в истории философии у Декарта, Лейбница и Канта»; в 1937 году последовали «Жизнь и философия Рене Декарта»), а также «De caelo: Эссе об индивидууме и познании».

В 1938 году Нойка, получив стипендию французского правительства, которую ему дали, чтобы он смог углубить свои исследования о Канте, уехал в Париж. Когда он узнал о том, что олигархия приказала убить Корнелиу Кодряну, Нойка послал в Румынию телеграмму следующего содержания: «Ввиду убийства Кодряну я в знак протеста вступаю в легионерское движение». Тем самым Нойка официально встал на сторону движения, к которому он уже давно испытывал симпатию. Хотя он не последовал примеру своих друзей, когда они в прошлом присоединились к легионерскому движению, так как, по его мнению, мистика легионерского движения не обнаруживала точек соприкосновения с Декартом и Кантом; Нойка, тем не менее, всегда провозглашал, что он присоединится к движению в знак протеста, если Капитан Железной Гвардии будет убит – что Нойка также и сделал.

После Второй мировой войны он говорил своим ученикам, что он поступил так «из избытка искренности», «чтобы устроить торжество этики с виртуозностью, как пари».

Уже перед своим официальным вступлением в движение легионеров Нойка представлял по существу позиции «духовных правых». В 1932 году он объяснял в легионерском журнале «Аха»: «Я стану на сторону правых, духовных правых румынской общности».

Два года спустя Нойка в рамках аферы Себастьяна огласил свою позицию в теологическом споре о еврейском вопросе, в которой он – очень далекий от неуступчивой позиции Нае Ионеску – встал на сторону позиции Элиаде. Уже незадолго до своего вступления в ряды движения Нойка одновременно демонстрировал свою эмпатию к своим «еврейским друзьям» и одобрение задач Легиона. «И если есть что-то», писал он 30 января 1938 года в «Vremea», «что вызывает

у нас сожаление, то это страдание наших еврейских друзей, но не тот факт, что они должны страдать из-за движения легионеров. Если на тебя нападают напрасно (и мы очень хорошо знаем, что на них нападают напрасно), то ты будешь страдать меньше – как сказал один философ – чем те, которые нападают на тебя. То, что у нас вызывает сожаление, это то, что они не могут увидеть доброе и искреннее в легионерском движении. То, что у нас вызывает сожаление, это то, что они никоим образом, без следа надежды, без крохотной иллюзии, не примут участие в будущем Румынии».

Нойка писал эти строки как раз тогда, когда правительство Октавиана Гоги и Александру Кузы предметно обсуждало еврейский вопрос на уровне законодательных мероприятий и этим вынуждало легионерское движение еще раз определить свою собственную политическую идентичность и отделить свою позицию от позиции консервативного антисемитизма. Нойка подчеркивал основное различие между легионерством и кузизмом:

«Что разоблачил кузизм? Он разоблачил паразита в румынском обществе [...] Все равно, в каком бы образе он ни проявлялся, с ним нужно бороться разными способами, на разных уровнях, обнаруживать его с помощью различного оружия, сообщать о нем, уничтожать и извергать его из румынского общества. Было ли то движение [кузизм – К. М.] правым? Мы это скоро узнаем, так как это зависит от мер, которые оно теперь примет. Мы увидим, было ли оно правым, и в какой степени. Что разоблачает нам легионерство? Насколько мы можем судить, оно разоблачило паразита внутри субстанции Румынии. Легион, несомненно, нанесет удар по внешнему врагу; но это – кузистский пережиток в легионерской доктрине. Решающее состоит в том, что движение легионеров способно разоблачить врага внутри и бороться с ним. [...] Также другие партии научились занимать отвергающие позиции по отношению к евреям. Но мы охотнее хотели бы увидеть, однако, партию или движение, которое призывает к тому, чтобы создать насчитывающую десятки тысяч человек рать образцовой моральной чистоты».

Понятийная пара «внешний враг – внутренний враг» или «внешний паразит – внутренний паразит» дает повод подумать о двойной священной войне, которую Кодряну провозгласил против врагов одного человека и против страстей его собственной души: Боевые отряды легионеров, согласно Капитану, побеждают «не посредством политической борьбы, а тем, что она сопротивляется тому еврею, который гнездится в нас самих».

(Такое понимание «двойной священной войны» совпадает с исламским понятием «большого» и «малого» джихада. – прим. перев.)

Произошедшее «в знак протеста» вступление Нойки в легионерское движение однозначно показывает, что подтвержденная им теперь в официальных рамках солидарность, в духовно-психическом отношении произошла в нем еще раньше, и что Нойка действительно симпатизировал легионерскому движению, так как высказывания легионера Нойки были ничем иным как последовательным развитием его предшествовавшей официальному вступлению позиции. Так он пишет, например, во время национально-легионерского правительства Антонеску в легионерской газете «Buna Vestire»: «Недостаточно сказать: «Долой евреев и космополитов!» Ты сам должен стать личностью, способной противостоять чужакам и всем тем, кто стал чужим для своего народа. Мы нуждаемся в другом политическом воспитании, нежели привычное: в строгом, военном воспитании, соответствующем молодости. По этой причине Кодряну расстался с кузистами и основал свой Легион».

Тем не менее, согласно Нойке, легионеры – точнее: основатели легионерского движения – уже рано продемонстрировали политически-общественную дальновидность в еврейском вопросе:

«В 1923 году студенты и их отчаяние не были поняты. Они не были в созвучии с остальной Румынией. Только теперь другой мир открывает 1923 год; только теперь он открывает антисемитизм; только теперь он обнаруживает коррупцию; но, прежде всего, он теперь обнаруживает только крах».

Возвратившись из Франции, Нойка в 1940 году получил докторскую степень по философии в Бухарестском университете; заголовок его диссертации звучал «Наброски истории философской проблемы: «Как что-то новое может быть возможно?»». Он демонстрировал воинственную активность и внес свой вклад в создание формы движения легионеров и его, как он писал, «исключительному прорыву», который оно воплотило.

«Buna Vestire» снова начала выходить 8 сентября 1940 года, через три дня после изгнания короля Кароля II; Григоре Манойлеску стал ее директором, а Константин Нойка главным редактором. Журналистская активность Нойки становилась все интенсивнее. В сентябре он опубликовал десять редакционных статей, которые он сам написал, и на первой октябрьской неделе еще три следующие. Но вследствие статьи Манойлеску, в которой тот упрекал правительство Антонеску, что оно проявляет слишком халатное и терпеливое отношение к убийцам Кодряну и его соратников, выход газеты был приостановлен на одну неде-

лю по приказу «Кондукэтора» («вождя») Иона Антонеску. Когда газета снова стала выходить, у нее уже был новый директор: Александру Констант, румынский министр пропаганды. Нойка, которого на посту главного редактора сменил теперь Хория Стамату, полностью покинул редакцию вместе с Манойлеску. Наконец, 23 января 1941 года «Buna Vestire» была окончательно запрещена. Судя по всему, уже после исчезновения этой газеты Нойка стал редактором упомянутого Петре Цуцей журнала «Adsum».

Нойка последовал за вызовом в Берлин, где ему предложили доцентуру по философии. Он отправился в Германскую империю и оставался там по июнь 1941 года, дату вступления Румынии в войну. Во время пребывания в Германии он установил контакты с Николаем Гартманом и Мартином Хайдеггером. Одно немецкое издательство сделало ему предложение написать историю румынской философии; он, однако, возразил, что он лучше хотел бы написать «историю духовной румынской жизни», которая должна быть предназначена для западно-европейской читательской аудитории. Этот запланированный труд так никогда и не появился; но подготовленные для него работы Нойка включил в свое появившееся в 1944 произведение «Pagini despre sufletul românesc» («Страницы румынской души»), включавшее пять статей, лекцию по радио, прочитанную им в августе 1940 года, а также одну произнесенную в июне 1943 года в Берлине речь.

Когда Антонеску в 1943 году решил, что легионеров можно выпустить из заключения – при условии, что они будут сражаться на передовой на фронте – Нойка вместе с его товарищами вызвался идти на войну, но из-за болезни легких врачи признали его негодным к военной службе.

Нойка поселился в Бухаресте и опубликовал вместе с Константином Флору и Мирчей Вулкэнеску четыре лекции Нае Ионеску в книжной форме, а также издавал ежегодник «Izvoare defilosofie» (по-румынски «Источники философии») (1942-1943). Также в 1943 году он публикует «Два введения и переход к идеализму»; в 1944 году появляются «Jurnal filosofic» («Философский дневник») и уже упомянутые «Страницы румынской души».

С новым коммунистическим режимом «Народной Республики Румынии» для Нойки следует длительная фаза вынужденного забвения; в 1949 году его лишили собственности и принудительно переселили в Кымпулунг-Мусчель, где он только с большим трудом мог зарабатывать себе на жизнь: «Я жил за счет частных уроков за пять леев в час. Я учил всему, даже прыжкам в длину». За те десять лет, которые он провел в Кымпулунге, он заложил фундамент для своего

труда «Tratat de Ontologie» (по-румынски «Трактат об онтологии»), который был опубликован в 1981 году. Он написал «Отделение от Гёте», вышедшее в 1976 году; наконец, он написал также эссе о Гегеле, которое первоначально было опубликовано в 1962 году во Франции, а затем в 1978 году в Румынии под заголовком «Рассказы о человеке по произведениям Гегеля». Переписка его с Чораном восходит к 1957 году, предпоследнему году ссылки Нойки.

За то, что он публично читал и обсуждал произведения Чорана и других эмигрантов – а также по дополнительному обвинению в нескольких недозволенных переездах в Бухарест – Нойку арестовали и приговорили к двадцати пяти годам тяжелого принудительного труда. Благодаря всеобщей амнистии философ в августе 1964 года, после почти шестилетнего заключения, смог снова выйти на свободу.

Освободившись, он написал книгу «Rugați-vă pentru fratele Alexandru» («Помолитесь за брата Александра»), которая была издана после смерти автора. С 1965 по 1975 год он был главным ассистентом на философском факультете Румынской академии в Бухаресте, наивысшем форуме науки и культуры в Румынии.

Самые важные его опубликованные произведения в этом академическом десятилетии:

В 1967 году: «Douăzeci și șapte de trepte ale realului» («Двадцать семь ступеней действительности»); в 1969 году: «Platon: Lysis (cu un eseu despre înțelesul grec al dragostei de oameni și lucruri)» («Платон: Lysis (с эссе о значении любви греческих людей и вещей)»); также в 1969 году: «Rostirea filozofică românească» («Румынский философский способ выражения»); в 1973 году: «Creație și frumos în rostirea românească» («Творение и красота в румынском языке»).

С достижением пенсионного возраста Нойка в 1975 году переехал в Пэлтиниш, в горный мир Трансильвании, недалеко от места рождения Чорана. В этой последней части своей жизни – Нойка умер в 1987 году – он опубликовал многочисленные произведения, среди них:

1975 – «Eminescu sau gânduri despre omul deplin al culturii romanesti» («Эминеску и совершенный человек румынской культуры»)

1978 – «Sentimentul românesc al ființei» («Румынское чувство бытия»)

1978 – «Şase maladii ale spiritului contemporan» («Шесть болезней современного духа»)

1981 – «Devenirea întru ființă: Incercarea asupra filozofiei traditionale» («Становление существующего: эссе о традиционной философии»)

Другие написанные им произведения были опубликованы только посмертно. Среди них нужно выделить:

1988 – «De Dignitate Europae» («О достоинстве Европы»)

1990 – «Jurnal de idei» («Дневник идей»)

1992 – «Simple introduceri la bunătatea timpului nostru» («Простые введения во блага нашего времени»).

Особенно время его пребывания в Пэлтиниш показывает сократическое предназначение Нойки. Убежище в Карпатах стало местом паломничества для молодых интеллектуалов, которые с воодушевлением подчиняли себя строго установленной рабочей программе Нойки: В Пэлтиниш переводили и комментировали Платона и Плотина, Ницше и Хайдеггера. «Изучать греческий, переводить с латыни и немецкого и публиковать [...], писать и чтение серьезных книг – все это были мгновениями ритуала для освобождения духа», констатировал самый усердный ученик Нойки Габриель Лиичану.

И Чоран со своей стороны позже сделал такую оценку деятельности Константина Нойки: «Уединившийся в Карпатах, Нойка был духовным центром Румынии [...] Он удалился в Карпаты не для того, чтобы убежать от мира, а чтобы из удаления понять мир. [...] Ведь человек избегает других людей вовсе не для того, чтобы о нем забыли, а чтобы приобрести себе больший вес. В Румынии Нойка получил роль завоевателя. Поэтому его уединенность была не отставкой, а триумфом».

III: Василе Ловинеску (Абд эль-Кадыр Иса)

Глава 3.

Василе Ловинеску и Гиперборейская Дакия

Василе Ловинеску родился 30 декабря 1905 в Фэлтичени, на севере Молдовы (Бессарабия). Если семья его матери происходит из рода трансильванских аристократов, то отцовская ветвь может похвастаться тем, что породила видных чиновников и офицеров, но также и знаменитых интеллектуалов, таких как литературный критик Эуджен Ловинеску (1881-1943) или эссеистка Моника Ловинеску (род. в 1923). Один из двух братьев Василе, Хория Ловинеску (1917-1983), добился известности как драматург.

После Первой мировой войны Василе с родителями переселился в Бухарест, где он посещал гимназию, затем факультет права в университете, в котором он получил ученую степень доктора (кандидата наук) в 1929 году. Он вступил в гильдию адвокатов и был адвокатом бургомистра Бухареста; одновременно он писал для различных журналов («Viața literară», «Viața românească», «Adevărul Literar și Artistic», «Credința», «Familia», «Azi», Vremea и т.д.) причем его интерес вращался преимущественно вокруг румынского фольклора и восточных традиций, вокруг Артюра Рембо и вокруг определенных видов эзотерики. Его внимание привлекали, в частности, Бо Инь Ра (1876-1943) и Густав Майринк (1868-1932).

После того, как он в 1932 году познакомился с книгой Рене Генона «Le Roi du monde» («Царь мира»), он перевел ее на румынский язык и попросил автора о разрешении опубликовать ее по частям в запланированном им журнале. Проект не осуществился, однако это стало началом его переписки с Рене Геноном, продолжавшейся с 1934 до начала 1940 года.

Чтобы приобрести инициатическую связь с исихазмом – формой византийской и славянской духовности, в центре которой находится тихое погружение по строгим монашеским правилам, что в те времена не представлялось возможным в Румынии, Ловинеску в 1935 году отправился в паломничество на гору Афон, где между 10 июля и 3 августа он встречался примерно с двадцатью монахами. Чтобы осуществить свою цель, он должен был бы остаться в этом месте и поселиться в монастыре; но в те времена это не было разрешено для тех, у кого не было греческого гражданства, так что ему пришлось отказаться от этого плана. «Тем

не менее, вероятно, именно этой недостижимости исихазма должна быть также обязана структура личности Василе Ловинеску, которому не были присущи никакие монашеские склонности в обычном смысле этого слова».

«Гетикус», мукаддам Гиперборейской Дакии

Поэтому в марте 1936 года он, по совету Генона, отправился в Швейцарию и во Францию, чтобы добиться инициации в суфизм. В Базеле он получил необходимую подготовку благодаря Титу Буркхардту, и 10 марта он был принят в Ислам под именем Абд эль-Кадыр Иса; на следующий день он уехал через Париж в Амьен, и 13 марта он был торжественно посвящен в «Орден Alawiyya» (al-tanqah al-'alawiyyah) швейцарским немцем Фритьофом Шуоном, который принадлежал к этому же ордену. Впечатление, которое запомнилось ему при его встрече с Шуоном, зафиксировано им на странице его дневника: «Необычный, фатальный, что-то тяготеет над ним. Не от мира сего и ранимый».

Вернувшись из Амьена, где он пробыл три дня, он посетил Лувр и записал в дневнике: «Странно, холодно. Колоссально накопившаяся психическая структура. Совсем решительно: Отчетливое отделение от мира». После десяти дней пребывания в Базеле он 1 апреля снова прибыл в Бухарест.

(Арабское слово «мукаддам», «мукаддем» или «мкаддем» («стоящий впереди») обозначает в суфизме уполномоченного осуществлять посвящения заместителя главы общины определенного географического пространства, сравнимо с региональным епископом в католической церкви. Поэтому автор назвал здесь Ловинеску мукаддамом для географического пространства Дакии, т.е. Румынии.)

9 мая он получил номер 196 «Études traditionnelles», в котором началась его серия статей под общим названием «La Dacie hyperboréenne» (по-французски: «Гиперборейская Дакия»), которые были подписаны псевдонимом «Гетикус». Они происходили из труда о священной истории и сакральной географии, который Ловинеску начал писать после своего возвращения с горы Афон и закончил во время путешествия в Амьен. «La Dacie hyperboréenne», которая была опубликована в «Études traditionnelles» в 1936 и 1937 годах, получила резонанс лишь пятьдесят лет спустя. Действительно итальянское издание 1984 года и французское издание 1987 года заставили Винтилу Хорию признаться «в восхищенном удивлении». В Румынии академик Вирджил Кындя обратил внимание на картину архаичной Дакии, как она была изображена «Б.П. Хашдеу, Николае Денсушяну, Михаилом Садовяну, Матиллой Гикой, Мирчей Элиаде, Михаем Выл-

саном, Михаем Аврамеску, Василе (и также Хорией) Ловинеску, Никитой Стэнеску, если перечислять только [уже] умерших авторов, которые с разными средствами, целями и результатами действовали для «вечной философии». Французское издание 1987 года вызвало, в частности, интерес таких исследователей как Шарль Риду или Поль-Жорж Сансонетти (род. в 1945); последний, ученик Анри Корбена и Жильбера Дюрана, провел в Сорбонне, в рамках «École pratique hautes études» (EPHE), мероприятие о «Гиперборейской Дакии». В Румынии исследование Ловинеску было опубликовано лишь в 1994 году.

В 1938 году Ловинеску встретился с Юлиусом Эволой, о прибытии которого в румынскую столицу ему сообщил Генон в письме от 29 января. До этого дня Ловинеску, наряду с Мирчей Элиаде, Марселем Аврамеску (1895-1961) и философом и поэтом Лучаном Благой (1895-1961), был единственным, кто в Румынии упомянул творчество Эволы. В одной статье 1934 года Ловинеску критически высказался об Эволе, он считал, что Эволе не удалось «обнаружить мужское и тайное значение христианства, в ницшеанской перспективе оно представляется ему мягким, пассивным, слабым, «религией рабов», которые мстили Риму». Но в другой статье молдавский автор отсылал к издававшемуся Эволой журналу «Krug» и выражал при этом свое восхищение тем обезличенным стилем, который был характерен для этой инициативы: «Элегантность состоит, прежде всего, в том факте, что все статьи, которые публикуются в журнале, не подписаны; таким образом соблюдение анонимности открыто противостоит светскому потоку хвастливого духа парвеню, тщеславия и истерии».

Что касалось главной цели поездки Эволы в Румынию, которая состояла в том, чтобы встретиться с Корнелиу Кодряну (1899-1938), Капитаном легионерского движения, то Ловинеску по существу был согласен с итальянским гостем. Ловинеску никогда не скрывал своего презрения к либерализму и демократии, в частности, в серии статей, которые появились между 1933 и 1936 годами в «Vremea». Там, в частности, написано: «Французский декаданс объясняется из революции 1789 года. [...] Все пороки парламентской демократии, лишенной истинного авторитета, разоблачены». Принципиально склоняясь к альтернативе аристократического типа, Ловинеску, несмотря на это, видел определенные положительные возможности в национал-социалистской революции: «Германия вошла в своеобразный вид священного, орфического бреда, который может привести к дисбалансу, но так же и к новой духовной жизни». Он оказывается в согласии с Кейзерлингом, когда тот видит «в теллурической революции национал-социализма гарантию возрождения старых германских ценностей, которые исчезли в потоке демократии».

Что касается легионерского движения в особенности, то Ловинеску рассматривал его как возможного носителя традиционной реставрации, «шиваитской реставрации», чтобы повторить его характерное выражение.

(Это слово происходит от индийского бога Шивы, который в триединстве Брахма-Вишну-Шива означает принцип (необходимого) разрушения, которое только и делает возможным новое начало.)

Также в послевоенное время Ловинеску тем, кто спрашивал его о его мнении о легионерском движении, подтверждал положительную оценку. В 1971 году, например, соответствующий вопрос ему задал Влад Протопопеску. «Я не решился бы задать ему этот вопрос», пишет Протопопеску, «если бы я не знал с уверенностью, что он сочувствовал легионерам, что он был бургомистром Фэлтичени во время «легионерской» диктатуры Антонеску и что его брат Хория, очень известный драматург, был (печально известным) легионером. [...] «Итак, хорошо», отвечал он мне (с определенной эмоцией в голосе) – и Бог мне свидетель: «Это было настолько румынским делом ... Не существует более глубокого выражения румынской души!»».

Поэтому вероятно, что это был именно Ловинеску, который, при посредничестве своего брата Хории, устроил для Эволы встречу с Капитаном, хотя это, естественно, не исключает вмешательства Элиаде. Впрочем, сам Эвола использовал множественное число, когда он в будущем говорил о «румынских друзьях, которые содействовали нашей встрече».

В июле 1939 года Ловинеску предпринял новую поездку во Францию, где он помимо Шуона встретился и с другими представителями «Ордена Alawiyu», в частности, с Михаилом Вылсаном, мукаддамом для французской территории; Василе Ловинеску выполнял аналогичную функцию для Румынии и Балкан. В том же самом году в «*Études traditionnelles*» появилась последняя статья, которую Ловинеску опубликовал перед войной.

Практика «dhikr» («память о Боге», почитание Аллаха в Исламе, может производиться как вслух, так и молча, представляет собой духовное упражнение), изучение Корана и исламского учения не стали для него преградой в тот период, когда Железная Гвардия делила власть с Антонеску – с 14 сентября 1940 по 20 января 1941 – быть бургомистром Фэлтичени. Непригодный к воинской службе из-за сильной близорукости, Ловинеску во время войны жил между Фэлтичени и Бухарестом, потом он поселился в Бухаресте и женился на Стелиане-Виктории Пэунеску. Во время советской оккупации его квартира в Фэлтичени была опустошена, а его библиотека разграблена.

«Братство Гипериона»

Ловинеску, несмотря на это, в 1950-х годах регулярно возвращался в свой родной город. Его высокопреосвященство Антоние Плэмэдеалэ (1926-2005), православный митрополит города Германштадт (по-румынски Сибиу) и Семиградья (Трансильвания), сохранил для будущих поколений свои встречи с писателем в окрестностях Фэлтичени:

«Василе Ловинеску я знал с начала пятидесятых годов, когда он проводил значительную часть его времени в Фэлтичени, том городе, в котором супруги Ловинеску проживали наряду с другими местами. Он любил путешествовать. В сопровождении одной только трости, которую он нашел на дороге, он приходил пешком, чтобы увидеть меня, из Рышки в Петру Рареш или из Слатины в Лэпушняну [речь идет об именах монастырей – К. М.], и расстояния нельзя было не учитывать (от 25 до 35 км), особенно для такого человека как он, для которого пространство всегда было внутри. [...] Я полагаю, что он также и на природу смотрел совсем другими глазами, чем обычные люди. Его восторги были интеллектуальны [...]. Он всеобъемлюще образовал себя на фундаменте в равной степени как живой, так и глубокой культуры – некоторые могли бы сказать: основательно испортил себя образованием – и искал в каждом и во всем скрытые значения, он только радовался этому и был счастлив. [...] Мы часто гуляли через реку к озеру Рышка на опушке леса или вдоль длинной дороги к Слатине, по обе стороны которой росли ели, и он задавал мне вопросы без перерыва. Это был один только единственный вопрос в постоянном развитии. [...] Так как я был молодым теологом, он проверял меня в моей области исследований и разведывал в дальнейшем, с определенной скрытностью, мои знания относительно других религий. Он не знал, что я был в курсе о его восточной ориентации, а также – как это выглядело – о его переходе в Ислам, о его симпатиях к Рене Генону; и я сам не подавал виду, что я об этом знал. [...] Теологи всегда смотрели на Рене Генона с недоверием и подозревали его в ереси, чтобы не сказать больше. Они точно так же относились и к Рудольфу Штайнеру, даже если и по другим причинам. Для Василе Ловинеску Рене Генон был, вероятно, авторитетом до последнего мгновения. Он был его источником инициации. [...] Мне жаль, что Василе Ловинеску будет в другом мире. Если бы мы еще сегодня прогуливались по дороге к монастырю Слатина или около озера монастыря Рышка, всегда в окрестностях Фэлтичени, то теперь уже я без умолку задавал бы ему вопросы!»

В послевоенные годы скромная бухарестская квартира Ловинеску на улице Т. Амана стало местом (Zawia) проведения ритуальных встреч суфийской группы,

которой он сам руководил в 1940-х годах; это было семь или восемь человек, один из которых, доктор Майер, взялся выучить наизусть весь текст Корана. Ловинеску поддерживал свои контакты с Шуоном и Буркхардтом, после разрыва между Шуоном и Геноном, он решил последовать за Вилсаном в «генонскую» и ортодоксально-исламскую ветвь «Тарикат». В 1958 году группа распустилась «по причине изоляции и враждебности окружающей среды».

В том же самом году Ловинеску основал кружок для традиционалистских исследований, который он в будущем сам назвал «Братством Гипериона». Каждую неделю, за исключением летних месяцев, когда Ловинеску уезжал в Фэлтичени, несколько человек, которые интересовались изучением традиционалистского учения, собирались в доме поэтессы Лукреции Андриу (1913-1964). «Этот островок духовной свободы непрерывно существовал этим способом в анонимности и «чтобы работать», вопреки враждебному и угрожающему окружению, сильно поляризованному интеллектуальным присутствием Ловинеску. Основу исследований и медитаций образовывало творчество Рене Генона. «К первоначальному ядру, образованному Ловинеску, Лукрецией Андриу и Флорином Михэеску (род. в 1923), присоединились поэт Раду Василиу (1923-1990) и его супруга Маргарета (1945-1996), Роксана Кристиан (род. в 1938), Виорика Мосински (1913-1980), а также Мариана Веляну (1922-1975). Смерть Лукреции Андриу не прервала деятельность «Братства Гипериона». Оно продолжало встречаться, вплоть до 1980 года, когда Ловинеску окончательно переехал в Фэлтичени.

«Писать для него было то же самое, что и молиться»

Ловинеску снова начал писать в 1964 году. Он заносил на бумагу короткие медитации, сначала пронумерованные по возрастанию, затем, начиная с 1 января 1965 года, он указывал для каждой записи соответствующую дату. Истинный духовный дневник, который он продолжал вести вплоть до первых дней 1967 года, принял, таким образом, форму. В 1969 году литературный критик Эуджен Симион (род. в 1933), предложил Ловинеску расшифровать символизм «Craii de Curtea-Veche» («Князь Куртя-Веке»), короткого романа Матая Иона Караджале (1885-1936), сына драматурга Иона Луки Караджале (1852-1912). Так появилась «Al patrulea hagiălc» («Четвертое путешествие пилигрима»), «ночная экзегеза», которую Ловинеску идейно соединил с центральной темой «La Dacie hyperboréenne»: «В память о геральдике Матее Караджиале я хочу поместить в начале этой книги иероглиф Козерога, над щитом, на темно-синем поле, на котором размещены семь звезд «гетского полюса». Если произведение – это предлог для медитации, то никакое почитание не преувеличено». Помимо иероглифа

Козерога, Ловинеску направляет внимание читателя также на полярный символ как таковой, на «наивысший иероглиф»: свастику. «Тайна свастики так значительна, так как с ней связывается последняя тайна «Князя», мы это подробно объясним, при этом мы опираемся, прежде всего, на Рене Генона, великого интерпретатора эзотерики». В «Al patrulea haġialîc» действительно можно найти много ссылок на Генона, но также и на Эволу и на Кумарасвами. Прежде чем книга официально была опубликована в одном томе в 1981 году, «Al patrulea haġialîc» читали во время встреч кружка, руководимого Ловинеску, а также она циркулировала в форме машинописного «самиздата»; эссе в готовой форме появилось в 1970 году в журнале «România literară». Мирча Элиаде прочитал этот эскиз и писал автору: «Мне тяжело дается принять эту символическую интерпретацию «Князя», которую вы предлагаете, но чтение вашего текста захватывает».

Первоначально для внутреннего употребления группы была предназначена также работа «Creangă și Creanga de Aur» («Крянгэ и золотая ветвь»). Составленный между 1964 и 1972 годами, этот текст был опубликован после смерти автора. Ловинеску повторяет и разрабатывает здесь работу символической экзегезы басен румынского писателя Иона Крянгэ (1837-1889), которую Ловинеску предпринял в последних главах «La Dacie hyperboréenne». Это новое исследование, в котором Рене Генон является чаще всего цитируемым автором, исходит из рассуждений о фольклоре, которые содержатся в статье о «Святом Граале», рассуждений, которые обстоятельно воспроизводятся на первых страницах произведения.

Экзегеза Ивана Турбинкэ, которая содержалась в первом издании, пропущена, так как главный герой этого рассказа – русский солдат, который изображен в отрицательном виде; тем не менее, она находит свое место в посмертно опубликованном томе, посвященном интерпретации символизма басен и народных баллад.

Между 1970 и 1976 годами Ловинеску публиковался в «România literară» и в «Orizont». Одновременно он работал над «Columna Traiană» («Колонна Траяна»). Опираясь на фигуру римского императора, который захватил Дакию, исследование развивает тему функции империи, в которой духовный авторитет и светская власть осуществляют свой синтез, и заканчивается главой об имперской идее Данте и о гибеллинском символизме «Божественной комедии». Ловинеску занимается, в частности, синергией и антагонизмом, который характеризует отношение между имперским «мессианством» и христианским «мессианством»; но его рассуждения достигают самой большой глубины там, где форму-

лируется и обсуждается следующий решающий вопрос: Не возможно ли возрождение античной традиции, самым знаменитым сторонником которого был Вирджил Кындя? Другими словами, почему откровение, вышедшее из семитского культурного круга распространилось среди большей части человечества?

«Гиперборейская Дакия» и «Колонна Траяна» образуют вместе с «Ciubăr Vodă» («Князь Сосуда», Чубэр Водэ, князь (господарь) Молдовы, правивший короткое время в 1448-1449 годах) настоящий триптих дако-румынской священной истории. «Ciubăr Vodă», в действительности, опирается на одноименную историческую личность с весьма нечеткими контурами, князя пятнадцатого столетия, который, согласно Ловинеску, представляет собой молдавскую версию «короля Грааля». Василе Александри (в 1818-1890), который, согласно Ловинеску, «говорил от имени тайной традиции», известен как автор драмы, в которой истинный главный герой, Чубэр Водэ, «представляет в себе общий принцип обеих властей и объединяет их, королевскую и жреческую власти. Он – король-священник, король-маг», который представляет, в конечном счете, Царя мира.

Примерно тридцать коротких текстов, которые были отредактированы Ловинеску за эти годы, после смерти автора были объединены в различные тома. Те материалы, которые посвящены герменевтике Ловинеску, происходят из религиозной традиции, мифологии, литературы, театра, философии, этнографии, истории и геральдики.

«Почему Василе Ловинеску написал так много?» – спросил один литературный критик и сам же дал на это краткий ответ: «Если знаки, как говорится в суфийских текстах, – это внешние выражения божественной арабски [...]; если с приближением к концу цикла манифестации вселенная раньше или позже сольется с настоящим, и единство должно восстановиться, тогда ясно, что посвященный может ускорить этот союз. Он может сделать это с помощью своего писания: иными словами, с помощью создания духовного алфавита по масштабам космического букваря, исходя из которого Бог, буква за буквой, послал слова в мир...» Факт состоит в том, что для Ловинеску изложение на бумаге было ритуальным действием: «Он писал на коленях, в восточной позе. Писать для него было, впрочем, то же самое, что и молиться». Об этом сообщали те, кому доводилось посещать его; то, как он проводил свои последние годы, когда он после 1980 года окончательно удалился в дом своих предков в Молдове, описывалось так: «Между медитациями в комнате отшельника, очень простой и элегантно, и гуляниями и паломническими походами, иногда в сопровождении друзей, писатель вел простой образ жизни, почти аскетический».

Но и в эти последние годы, когда он время от времени публиковался в «Pagini Viscopinene», приложении к журналу «Convorbiri literare», за ним втайне следит служба госбезопасности. В одном документе под грифом «strict secret» («строго конфиденциально») от 3 июня 1983 года некий функционер «Securitate» пишет: «Мы докладываем о том, что делает объект контроля с нашей стороны, хорошо известный ЛОВИНЕСКУ ВАСИЛЕ из Фэлтичени, улица Сучевеи 91, кузен МОНИКИ ЛОВИНЕСКУ, место жительства Париж». Другой документ, тоже «строго конфиденциальный», который информирует о контактах между Ловинеску и Гелу Войкан-Войкулеску, сообщает о «французском АВТОРЕ РЕНЕ ЭВЕНОНЕ» (оригинальный синтез из Эволы и Генона?) и докладывает о публикации новой книги Ловинеску в издательстве «Cartea Românească». Речь идет о книге «Крянгэ и золотая ветвь», которая появится шестью годами позже.

Ловинеску умирает 14 июля 1984 года, то есть, как замечает Дан Станка, в «День Французской революции! [...] день самого нечестивого события истории, [...] день, которое он осуждал самым резким способом!» Флорин Михэеску указывает со своей стороны на другое совпадение, «одно из этих знаменательных соответствий, которое может приготовить только судьба»: Он умер точно в тот момент, когда известность творчества Ловинеску в Европе благодаря итальянскому изданию «Гиперборейской Дакии» получила решающий импульс, и его полвека остававшееся «тайным» исследование возбудило новое внимание.

Приложения

Приложение 1.

Посмертный успех «Гетикуса»

Хотя «Гетикус» – настоящее имя которого, собственно, было Василе Ловинеску – по всей видимости, не принадлежал к Железной Гвардии, мне представляется интересным представить здесь несколько составленных биобиблиографических аспектов. Сначала напомним о том, что исследование «La Dacie hyperboréenne» («Гиперборейская Дакия») «Гетикуса» первоначально появилось в 1936-1937 годах, напечатанное в шести номерах журнала «Études traditionnelles», который издавал тогда Рене Генон. Этот журнал после 1945 года продолжал издавать преимущественно Михаил «Мишель» Вылсан, солидный дипломат румынского происхождения, который перешел в Ислам и рассматривался многими в качестве самого верного душеприказчика творчества Рене Генона. В 1930-е годы

Василе Ловинеску был, вероятно, самым преданным из всех румынских корреспондентов Генона.

Главный редактор журнала «*Politica Hermetica*», Жан-Пьер Брах, впервые указал на письмо Генона Ананде Кентишу Кумарасвами от 30 марта 1938. Здесь Генон сообщает ему адрес Ловинеску и добавляет: «Он [Ловинеску] образовал маленькую исследовательскую группу с несколькими друзьями, но они пребывают очень изолированно в недоброжелательном окружении. Они не могут приобрести себе ни одно из Ваших произведений».

Кроме того, Генон пишет статью для основанного Марселем Аврамеску в 1935 году журнала «*Метга*» (по-арамейски «Слово»), для которого также Ловинеску пишет статьи. Родившийся в 1909 году в Бухаресте Аврамеску получил свое право преподавать филологию и философию в 1934. Во времена своей молодости он как поэт и эссеист был частью авангардистских течений тех времен и подписывал свои статьи многочисленными псевдонимами, самым частым из которых был «*J.X. Uranus*». Под влиянием творчества Генона он основал «*Метга*».

Аврамеску перешел из иудаизма в румынское православие, начал изучать теологию, принял в 1949 году сан священника и изменил свое имя на «*Михаил*». Он стал священником церкви *Schitul Maicilor* в Удрикани; позже он жил в городе Хатцфельд (по-румынски Джимболия) в Банате. Аврамеску был частью движения «*Rugul argins*». Кажется, что он не оставил после себя работ, имевших отношение к духовным вопросам, но сохранилась его переписка с Геноном, Ловинеску, Михаем Константинеску и другими. Аврамеску умер в 1984 году.

Под заголовком «*Y t-il a-t-il encore des possibilités initiatiques dans les formes traditionnelles occidentales?*» (по-французски «Есть ли еще инициатические возможности в западных традиционалистских формах?») в «*Études traditionnelles*» появляется статья Генона, снабженная вступительным комментарием Мишеля Вылсана, который начинается следующим образом: «Эта статья была написана в 1935 году для румынского журнала «*Метга*», оставалась, однако, в целом виде неопубликованной до сегодняшнего дня, так как она не могла быть напечатана ни в ее румынском переводе, так как вышеупомянутый журнал раньше прекратил свой выход (и, впрочем, вышли вообще только два его выпуска, номер 1 от декабря 1934 и номера со 2 до 5 с января по апрель 1935), ни во французском оригинале».

Кроме того, здесь нужно добавить, что Мирча Элиаде к тому моменту, когда он рецензировал произведение Юлиуса Эвола «*Rivolta contro il mondo moderno*» для газеты «*Viamea*», указал на то, что единственным, кто, кроме него самого,

до сих пор упомянул имя «Эвола» в Румынии, «был в 1933 году наш товарищ по редакции В. Ловинеску».

В Италии и Франции автор эссе «Гиперборейская Дакия» добился большого успеха лишь посмертно, благодаря появлению соответствующих переводов, публикация текста на родине Ловинеску последовала в 1994 году.

Так Вирджил Кэндя посвятил тексту самой «Гиперборейской Дакии», а также предисловиям итальянских и французских изданий длинную статью, которая была напечатана в выходящем в Бухаресте журнале союза румынских писателей «Viața românească»; она называется «Viziuni ale Daciei arhaice in perspectiva istoriei ideilor» (по-румынски «Видения архаичной Дакии с идейно-исторической точки зрения»). Другие статьи и рецензии на творчество Василе Ловинеску появились соответственно в таких уважаемых культурных журналах как «Luceafărul» («Утренняя звезда»), «Caiete critice» («Критические тетради»), «Capricorn» и другие, которые опубликовали также несколько неопубликованных работ, найденных в архиве, оставшемся после смерти автора.

Исследование Ловинеску о символизме слез с заголовком «Sunt lacrimare rerum» появилось в «Capricorn»; отрывок из его «Jurnal alchimic» был напечатан в новой серии журнала «Criterion», просуществовавшей лишь короткое время публикации, которая хотела оживить старый журнал Элиаде, Нойки и Вулкэнеску, другие отрывки из «Jurnal alchimic», а также статья «Eseu despre Miorița: Fragment» («Эссе о Миорице: Фрагмент») были опубликованы в «Caiete critice». Культурное приложение «Cotidianul» опубликовало также страницы «Jurnal alchimic» в своем номере 2 за март 1992 года, прежде чем оно 19 октября того же года посвятило целых два газетных листа комментариям Ловинеску о Вильяме Шекспире.

Первой книгой Василе Ловинеску, которая была напечатана в Румынии, была «Al patrulea hagialîc» («Четвертое путешествие пилигрима»), экзегеза традиционалистского вдохновения самым знаменитым романом Матея Караджале «Князь Курте-Веке». Это произведение Ловинеску выходит в 1981 в Бухаресте в издательстве «Cartea Românească». В том же самом издательстве выходит в 1989 посмертно «Creangă și Creanga de Aur» («Крянгэ и золотая ветвь»), где Ловинеску расширяет и развивает свое исследование духовного и символического содержания басен; это исследование было основано на «Гиперборейской Дакии». В 1990 издательство «Cartea Românească» издает также «Эзотерическую интерпретацию нескольких румынских сказок и баллад».

В 1992 новое издательство с местонахождением в Яссах, «Institutul European» («Европейский институт») приступает к публикации сборника статей Ловинеску: «Monarhul ascuns» («Скрытый монарх»), где, среди прочего, как намекает заголовок, содержится исследование о «спящих героях» мифов и басен, затем появляется статья об исторически-легендарной фигуре Чубэра Водэ, который, согласно Ловинеску, демонстрирует свойства «персонажа из мифа о Граале». Наконец, тот же самый издатель опубликовал в 1993 году «Incantația singelui», исследование, в котором автор детально исследует несколько знаменитых романов, в том числе романы Густава Майринка.

Многочисленные рукописи Василе Ловинеску все еще ждут своей публикации. Из уже процитированного «Jurnal alchimic» до сих пор были напечатаны только фрагменты. «Columna Traiană» («Колонна Траяна»), исследование об истории святых эпохи захвата римлянами Дакии, представляет собой в какой-то мере продолжение «Гиперборейской Дакии»; пока этот текст существует как публикация на румынском языке и итальянском языке. Кроме этого существуют, о чем известно только маленькому кругу людей, статьи, которые Ловинеску публиковал в 1930-е годы в таких журналах и газетах, как «Adevărul literar și artistic» («Литературная и художественная правда»), «Azi» («Сегодня»), «Vremea» и другие.

Сохранилась также пятилетняя переписка между Ловинеску и Рене Геноном (в 1934-1939), а так же его корреспонденция с другими представителями традиционалистского мышления, например, с Фритьофом Шуоном, Титом Буркхардтом, Мишелем Вылсаном. «Именно последний, в первую очередь», сказано в духовном биографическом очерке Ловинеску, написанном двумя его приверженцами, «должен был стать одним из его «духовных» братьев».

Что касается биографии Василе Ловинеску, то тут можно, без сомнения, говорить о «простой жизни». Родившийся 30 декабря 1905 года (по Григорианскому календарю) в Фэлтичени в семье, которая дала румынской культуре несколько знаменитых личностей (Эуджен, Хория и Моника Ловинеску), он изучал юриспруденцию в Бухаресте. По истечении первого периода мистических и «спиритуалистических» интересов он открыл для себя творчество Рене Генона и начал оживленную переписку с ним. В 1935 году Ловинеску совершил паломничество на гору Афон. В 1936 году он путешествовал в Швейцарию и во Францию, где смог установить непосредственный контакт с представителями исламской эзотерики. После его брака в 1945 году он собирал вокруг себя круг приверженцев. «В семейном доме Фэлтичени, благородном доме с выходом на главную улицу, он жил в комнате почти монашеской простоты, в которой находились только

кровать, ковер и много, действительно много книг. У него даже не было письменного стола. Он писал на коленях, в восточной позе. Писать для него было, впрочем, то же самое, что и молиться».

Приложение 2.

Фотографии представленных румынских интеллектуалов

Фотографии Элиаде, Ионеску и Чорана взяты из архива издательства Регин-Ферлаг. Фотографии Нойки и Ловинеску взяты из личного архива автора (© Клаудио Мутти).

Мирча Элиаде

Ученый-религиовед, философ, писатель,

родился 28 февраля 1907 года (по Юлианскому календарю) /9 марта 1907 (по Грегорианскому календарю) в Бухаресте/ Румыния.

Умер 22 апреля 1986 года в Чикаго / США.

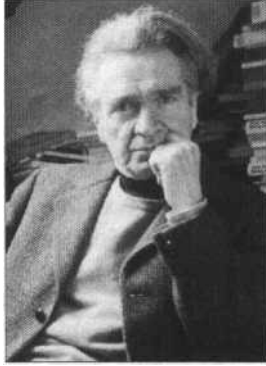

Николае Ионеску

Философ, политический публицист,

родился 4 июня 1890 года (по Юлианскому календарю) / 16 июня 1890 (по Грегорианскому календарю) в Брэиле/Румыния.

Умер 15 марта 1940 года в Бухаресте / Румыния.

Эмиль Чоран

Философ, писатель,

родился 8 апреля 1911 года в Штедтердорфе (рум. Рэшинари) близ Германштадта (рум. Сибиу), Австро-Венгрия.

Умер 20 июня 1995 года в Париже / Франция.

Константин Нойка

Философ, писатель,

родился 25 июля 1909 (по Юлианскому календарю) / 12 июля 1909 (по Григорианскому календарю) в Витэнешти/Румыния.

Умер 4 декабря 1987 года в Пэлтиниш /Румыния.

Василе Ловинеску

Философ, писатель, главный представитель Интегральной традиции в Румынии,

родился 17 декабря 1905 года (по Юлианскому календарю) / 30 декабря 1905 (по Григорианскому календарю) в Фэлтичени /Румыния.

Умер 14 июля 1984 года в Фэлтичени /Румыния.

Редакторская заметка

Данная немецкая книжная публикация охватывает две написанные как самостоятельные публикации и опубликованные на итальянском и французском языках монографии, а также еще два текста Клаудио Мутти.

Первая монография образует часть I и была опубликована под заголовком «Mircea Eliade e la Guardia di Ferro» (Parma: Edizioni all'insegna del Veltro, в 1989). Перевод с итальянского языка сделан Лучано Кабрини.

Экскурс «Трагедия Мирчи Элиаде» – это перевод статьи «Una greco-romena». Впервые она была опубликована в «Pagine libéré» (Рим), февраль 1997. Перевод с итальянского языка сделал Лучано Кабрини.

Вторая монография образует часть II, а также Приложение 1 и впервые появилась под заголовком «Les plumes de l'archange: Quatre intellectuels roumains face a la Garde de Fer» (Chalon-sur-Saône: Éditions Hérode, 1993), итальянское издание вышло годом позже под названием «Le penne dell'Arcangelo: Intellettuali e Guardia di Ferro» (Милан: Società Editrice Barbarossa, 1994). Произведение было переведено Сайрусом Макари с французского языка. Чтобы лишний раз не разрывать помещенные в этом томе тексты, посвященные Мирче Элиаде, главы 2.1 и 2.2 здесь поменялись местами в сравнении с оригиналом. Также Приложение 1 взято из этой публикации.

Биографический текст о «Василе Ловинеску и Гиперборейской Дакии», напечатанный здесь как часть III, взят из книги Клаудио Мутти: «Eliade, Vâlsan, «Geticus» e gli altri: La Fortuna di Guenon tra i Romeni» (Parma: Edizioni all'insegna del Veltro, 1999). Перевод с итальянского языка сделал Мартин А. Шварц. Этот текст – единственный в данном сборнике, который уже был опубликован на немецком языке под заголовком «Vasile Lovinescu (Abd el-Qadr Isâ)»; первая публикация была сделана в «Kshatriya-Rundbrief», номер 16 (2005), стр. 3-7.

Автор после перевода на немецкий язык еще раз критически просмотрел и актуализировал все тексты.

Издательство

[Велесова Слобода, 2015 год](#)